

От автора

*Владимир Александрович Ядов
оказал огромное влияние
на становление и развитие
современной российской социологии.
Ему посвящается эта книга.*

Эта книга содержит итог многолетнего, многопланового исследовательского проекта, который я в принципе не мог бы выполнить без поддержки и разнообразной помощи многих людей. Я отчетливо понимаю невозможность привести здесь имена всех, с кем я сотрудничал, задумывая эту работу, формируя ее методологию и инструментарий, собирая в течение восьми лет биографическую, документальную и иного рода информацию, и кто содействовал публикации проведенных интервью и аналитических материалов. Но я всех помню, уважаю, ценю сделанное ими и самым искренним образом всех благодарю.

Прежде всего, мне хочется сказать спасибо всем тем коллегам, российским социологам — их около 50 человек, — кто согласился на интервью со мной и поделился воспоминаниями о своей жизни, пути в науку, осуществленных исследованиях, непростых проблемах, которые приходилось решать. Рассказанное ими составляет основу данной работы, определяя ее структуру, содержание, тональность и стиль.

Уже почти два десятилетия я живу в США. Но судьба так распорядилась, что я смог сохранить профессиональные и дружеские связи с теми, с кем сотрудничал и тесно общался до отъезда. На протяжении четверти века я работал в коллективе ленинградских социологов, и мне приятно осознавать, что настоящее исследование возникло и во многих своих аспектах развивалось в контакте с этими близкими мне по духу и пониманию социологии учеными. На рубеже 1960–1970-х гг. Андрей Здравомыслов, Борис Фирсов и Владимир Ядов вводили меня в социологию, и они же в начале 2000-х определили направленность моих историко-биографических поисков. Многие в методологии проекта и в трактовке событий прошлого — настоящего дало мне регулярное эпистолярное общение с Андреем Алексеевым и Игорем Коном¹.

¹ Пока готовилась к изданию эта книга, ушли из жизни Андрей Григорьевич Здравомыслов (2009) и Игорь Семенович Кон (2011). Я воспринимаю это как потерю для российской науки и ощущаю как сужение круга друзей.

Преобладающая часть интервью с социологами и биографических очерков, которые составляют эмпирическую основу этой книги, исходно публиковались на страницах петербургского журнала «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Это — знак постоянного внимания его издателя и редактора Михаила Илле к настоящему историко-наукоедческому исследованию, к которому, замечу, он же меня и побудил. За возможность активно публиковаться в «Социологическом журнале» я признателен Ларисе Козловой; также ценю ее советы по освещению слабо изученных сторон прошлого российской социологии. Появление серии биографических интервью в журнале «Социальная реальность» стало возможным благодаря Елене Петренко и Александру Ослону. Очень высоко я оцениваю вклад в развитие всего исследования Наталии Мазлумяновой: это точные критические замечания по поводу ряда концептуальных схем историко-биографического анализа и редактирование многих текстов на фазе их первой публикации².

При доброй поддержке Дмитрия Шалина на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» (<http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html>) был сформирован достаточно полный web-архив проведенных мной интервью и моих теоретико-методологических текстов. А в начале 2012 г. по инициативе Франца Шереги и благодаря огромной работе Елены Григорьевой увидело свет электронное издание моего трехтомника «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» (http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm). В нем заинтересованный читатель найдет все тексты интервью, проведенных мной в 2005–2011 гг.

Во многом эта работа выполнена в ответ на предложение Бориса Фирсова и при поддержке директора Издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге Милены Кондратьевой. Это их идея — опубликовать одновременно второе издание монографии Б. Фирсова «История советской социологии. 1950–1980-х годов» и настоящую книгу.

Конечно же, мне хочется поблагодарить редактора книги Елену Васьяковскую. Ей пришлось заниматься с рукописью не в ходе личного общения с автором, а через электронную почту. и хочу надеяться на то, что мое стремление максимально учитывать ее советы в определенной степени снимало эту проблему.

*Борис Докторов
Декабрь 2012 года*

² Наталия Яковлевна Мазлумянова (1952–2013) ушла из жизни незадолго до выхода в свет этой книги.

Часть I

ИСТОРИКО-НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1

Биографии для истории

Наличие разработанной, обстоятельной истории того или иного раздела науки — свидетельство его развитости и одновременно устремленности в будущее. Ничто так не зовет вперед, как понимание достигнутого. Обращение российских социологов к изучению собственной истории — безусловно, одна из важнейших характеристик современного этапа развития российской–советской–российской социологии. История ставит вопросы, на которые не пытается ответить ни теория, ни методология социологии. В частности, это происходит потому, что лишь историко-научные исследования одновременно фокусируются и на динамике идей, и на деятельности ученых.

История есть, только если она написана

История вершится постоянно, непрерывно, и потому она должна изучаться и описываться тоже постоянно и непрерывно. Смысл сказанного прост. Пока прошлое, бывшее существует само по себе, пока оно не изучено и не описано — все состоявшееся пассивно и ничему не учит. Марк Твен говорил, что нечитающий человек ничем не отличается от того, кто не умеет читать. Аналогично, незнание российским социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории.

В книге пойдет речь о современной российской/советской социологии. В отдельных случаях можно обсуждать, что означает слово «современная», но в целом речь пойдет о социологии постхрущёвского периода развития СССР/России. Так что «современность» — это временной интервал, начинающийся более полувека назад и доходящий до наших дней.

Термин «российская социология» имеет, по крайней мере, три ипостаси.

Если говорить о периоде до 1991 г., то понятие «российская социология» во многом совпадает с понятием «советская социология», но они не тождественны. Внутри социологии, обозначаемой термином «советская», существовали национальные школы, развивавшиеся несколько иначе, чем российская социология доперестроечного времени. Во всяком случае, в будущем представляется важным выявить социально-культурные и собственно научные токи, течения, исходившие из республик бывшего Советского Союза (к примеру, из Украины, Эстонии, Литвы, Грузии, Армении) и влиявшие на становление советской социологии в целом.

«Российская социология» — это социология, создаваемая учеными, живущими и работающими в современной России. Это понятие охватывает и то, что создавалось и создается исследователями, жившими и живущими вне России, но воспитанными на российской культуре. Речь идет о достижениях так называемого Русского мира. Например, после революции значительная группа русских мыслителей, социологов жила и работала за границами СССР. Их творчество обязательно должно быть предметом исторического изучения, и это тем более важно, что современные российские ученые активно обращаются к трудам этого круга зарубежных социологов.

Парадоксально, но обращение к столь отдаленному прошлому может оказаться более полезным не для отыскания следов этого «былого» в работах недавнего прошлого, т. е. в исследованиях советских социологов, но для определения путей движения современной российской социологии в будущее. Разве российское социологическое сообщество не должно задумываться о том, каким будет лицо российской социологии через 20–30 лет? Будет ли это вестернизированная советская социология? Будет ли это русскоязычная версия европейской и американской социологии? Будет ли это нечто синтетическое, включающее в себя различные научные традиции, в том числе традиции русской дореволюционной социологии? Представляется также интересным поразмыслить о том, какими будут (могут быть) российская православная и мусульманская социология, в какие стороны света они будут смотреть.

Конечно, ответы на эти вопросы требуют очерчивания базовых допущений о социальном устройстве и развитии России, но наука должна видеть и свое собственное будущее; любая развитая наука сама определяет кардинальные направления своего развития. Каждое поколение ученых пытается решить проблемы, оставленные ему прошлым и обнаруженные им самим, но одновременно оно выдвигает новые задачи перед теми, кто придет ему на смену. Речь идет и об идеалах науки, о ее методах, об этике.

В общем случае история — это хронологически упорядоченная последовательность значимых для общества событий. В нашем случае —

это последовательность событий, определяющих, задающих, обуславливающих, детализирующих процесс развития российской социологии.

При этом имеет смысл выделить, по крайней мере, два класса событий.

Во-первых, события, определяющие «метрику», генеральные свойства социального пространства, в котором *существует и развивается* социология как наука и как определенное социальное образование. Одновременно это те события, которые детерминируют, корректируют социальный климат и нравственную атмосферу в стране. Во-вторых, события, процессы, протекающие *внутри самой социологии* и внутри социологического *профессионального сообщества*.

Учитывая коренные особенности политического устройства СССР, к событиям первого типа, безусловно, следует отнести появление документов КПСС и правительства, касавшихся развития идеологических процессов в стране и всего комплекса обществоведческих наук. Но это лишь видимая часть айсберга событий первого типа. В действительности существовало множество скрытых, латентных, не проявлявшихся, но активно действовавших по «умолчанию» механизмов управления развитием социологии в стране. И результатом действия или бездействия этих механизмов было множество событий, которые тоже должны изучаться историками российской социологии.

К событиям второго типа следует отнести создание и закрытие, реформирование научно-исследовательских центров, коллективов, групп ученых; появление и развитие структур по подготовке кадров; проведение крупных, значимых исследовательских проектов, выход в свет книг, сыгравших заметную роль в истории советской социологии, и т. д.

События первого класса, вообще говоря, являются «оболочечными» по отношению к науке, они образуют некий постоянно меняющийся каркас, заключающий в себе социологию и регламентирующий жизнь социологического сообщества. Но эта оболочка не пассивна, и потому историк социологии не может не анализировать ее воздействие на происходящее внутри нее. Вместе с тем представляется, что история социологии как раздел истории и социологии должна прежде всего фокусироваться на изучении того, что находится внутри этой раскаленной социальной оболочки. По большому счету, определение состава, динамики, температуры и т. д. содержимого, или наполнения, этой оболочки и составляет предмет современной истории отечественной социологии.

Написание истории не сводится к созданию летописи событий — она нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отложенных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время. По сути, сказанное означает, что история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, при-

частных к формированию государственной политики развития социологии и к выработке собственно социологического знания.

Биографический сюжет № 1. Т. И. Заславская

...История науки — это всегда в первую очередь история ученых. Советские ученые были погружены в тоталитарную, а позже — авторитарную среду, каждый из них по-своему сталкивался с ее ограничениями. Одни шли на компромисс, другие просто служили ей, единицы боролись с открытым забралом. Жизнь чрезвычайно многообразна, и если взять, к примеру, историю региональных социологических школ, то у каждой она окажется своею, особой.

Вот в Перми был Захар Файнбург, исключительно глубокий и талантливый человек. <...> Был лидером Пермской социологической школы, которая имела очень высокий авторитет и оказывала огромное влияние на интеллектуальную жизнь города. Они теми или иными путями сотрудничали со своим относительно прогрессивным обкомом партии — иначе их просто стерли бы в порошок. А в меру сотрудничая и в меру вольничая, они смогли создавать интересные работы. А совсем рядом, в Свердловске, развивалась ультраконсервативная и сугубо партийная школа М. Н. Руткевича... Но все же самое главное — люди. Да и в истории самое интересное, как они себя ведут в сложных условиях. А обстоятельства были очень сложными, сложнее, чем в большинстве других наук (**И:** Заславская 2007а: 3).

Идеология советского времени акцентировала значение роли государства и коллектива и явно принижала роль личности. Отчасти поэтому в российской исторической науке и советского и постсоветского времени оказалась недостаточно развитой методология и практика изучения биографий, в частности биографий социальных исследователей. Опубликованные в последние годы работы о Николае Бердяеве, Питириме Сорокине, Павле Флоренском и о небольшом числе других социологов и социальных мыслителей, на мой взгляд, скорее являются не научными биографиями, а анализом их работ, дополненным жизнеописаниями этих ученых.

Но все же сделанное за истекшие годы не только позволило ввести в научный оборот имена и идеи, долгое время мало известные широкому кругу российских социологов, но и является заметным продвижением на пути выработки методологии создания научных биографий социологов начала XX в. и наших современников.

Человеку, далекому от исторических поисков, может показаться, что история социологии — спокойная исследовательская область, которой можно уделить некоторое время, отойдя от активного изучения теории общества или реальных социальных процессов, институтов, коллизий. В действительности это совсем не так. Два десятилетия назад

Г. С. Батыгин говорил мне, что собственно социологические исследования включают в себя две области, два направления: методологию социологии и историю социологии; все другие социологические поиски приобретают статус научных только в том случае, если и когда они начинают оказывать влияние на характер методологии социологии и окажутся предметом исторического рассмотрения и сопоставления. Со многим в этом обобщении можно согласиться.

Одним из направлений истории социологии является изучение становления и функционирования коммуникационных сетей профессионального сообщества. К примеру, в 1960–1980-х гг. в стране было мало социологов, практически все знали друг друга, особенно внутри одного поколения. Институт социологических исследований АН СССР в Москве (в разные годы у него были разные названия) был головным, и там все часто встречались. Была ассоциация, объединявшая ученых. Книг издавалось немного, существовал всего один журнал «Социологические исследования». Все читали работы друг друга, и все (желавшие того) знали, кто и чем занимается. Исходная коммуникационная сеть имела относительно небольшое число ребер и обладала простой структурой. Таким образом, воссоздание и изучение коммуникационных сетей — один из эффективных приемов исследования становления научных школ в советской социологии и духовной атмосферы профессионального сообщества того времени.

Серьезным препятствием к созданию летописи важнейших событий российской социологии и выработке методологии написания научных биографий ее творцов является слабость соответствующей информационной базы. Указанное обстоятельство является следствием множества объективных и субъективных причин.

Под объективными причинами я подразумеваю, во-первых, крайне низкую культуру работы российских архивов и устарелость форм архивного обслуживания. Во-вторых, — недостаточную последовательность и замедленность процесса снятия секретности с материалов, направлявшихся в свое время в партийные органы и другие директивные структуры. Вследствие этого многие отчеты о социологических исследованиях, проведенных в 60–90-х гг. прошлого века, до сих пор недоступны историкам социологии. В-третьих, — отсутствие у большинства социологических организаций необходимого пространства для хранения собственных архивов, частые переезды из одних помещений в другие, расформирование социологических «команд». Есть и еще одно обстоятельство: на протяжении ряда десятилетий многие исследовательские коллективы не обладали своей электронно-вычислительной техникой, обрабатывали собираемую информацию в различных вычислительных центрах и потому не имели возможности для создания собственного информационного архива.

испытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя “от имени самой природы”, тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь “моей”, “мною”. Некоторые коллеги избегают таких оборотов».

Скорее всего, использование безличных глаголов (сам я этого не замечаю) восходит к моему математическому образованию. Для математических текстов типичны обороты «как было показано», «как предполагалось», «что и следовало доказать», и т. д.

Желая пояснить Ядову использование в текстах местоимений «я», «моей», «мной», я вспомнил один разговор с ленинградским психологом Иосифом Марковичем Палеем. Очень давно он сказал мне, что человек, рассказывающий о чем-то личном, часто обращается к собеседнику, жестикулируя левой рукой, правая рука сопровождает суждения более общего типа. В одном из телефонных разговоров, состоявшихся в начале 2000-х гг., А. Г. Здравомыслов спросил, что мне особенно запомнилось из его лекций, которые я посещал в конце 1960-х и которые стали основой его книги по методологии социологических исследований (Здравомыслов 1969а). Я ответил, что «активная жестикуляция левой рукой», и пояснил: на языке жестов это означает, что человек размышляет вслух об очень важных для него вещах. Возможно, что использование личных местоимений это — аналог жестикуляции левой рукой, индикатор доверительного отношения автора к потенциальным читателям.

Глава 2

Методолого-методические аспекты исследования

В данной главе рассматриваются составляющие технологии проведения биографических интервью по электронной почте с целью изучения истории современной советской/российской социологии: комплектование выборки, организация диалога с респондентом, особенности редактирования текстов. Указываются методологические принципы исследования биографических материалов, ориентированного на познание процесса становления и развития отечественной социологии. Приводится ряд примеров воссоздания прошлого на базе работы с мозаикой индивидуальных воспоминаний.

Электронное биографическое интервью

Исследование биографий современных российских социологов было начато в середине 1990-х гг. Г. С. Батыгиным и его коллегами. Первый

опыт работы в этом направлении был обобщен в книге (Российская социология шестидесятых 1999). После его смерти это направление в изучении истории отечественной науки продолжили Л. А. Козлова и Н. Я. Мазлумянова. Значительное число биографий, прежде всего социологов, работающих на социологическом факультете Петербургского университета, в последние годы опубликовано на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии». Несколько биографий ученых, причастных к разработке проблематики экономической социологии, собраны в небольшой книжке В. В. Радаева (Экономическая социология 2008). Весь этот материал в той или иной мере используется в настоящей работе.

Однако центральное место в ней занимает биографический архив, созданный мной в 2005–2011 гг. Его основу составляют обстоятельные интервью, которые я проводил по электронной почте. Еще одним источником информации является значительный по объему — в несколько тысяч единиц хранения — архив моей многолетней электронной переписки с большим числом российских социологов разных поколений. Правда, замечу, что использование этой части архива будет крайне редким и ограничится приведением лишь фрагментов писем. Объясняется это двумя обстоятельствами.

Во-первых, в большинстве случаев эти письма не содержат интимных сведений, тем более нет в них и никакой секретной информации, однако, как правило, они носят личный характер, и с их отправителями не оговаривалась возможность последующей публикации написанного ими. Естественно, не используются письма, имевшие приписку типа «сообщаю только для тебя/Вас». Во-вторых, обычно содержание письма является развитием давно начатого разговора; таким образом, цитирование даже краткого фрагмента текста предполагает описание предыстории той или иной дискуссии, что невозможно по многим причинам.

Теперь опишу подробнее применявшийся метод сбора данных, в частности приемы формирования респондентского массива.

К рубежу 2004–2005 гг., когда настоящий проект начинался, я уже несколько лет наблюдал за развитием в США технологии онлайн-опросов при изучении общественного мнения, в том числе опроса с помощью электронной почты. В то время эксперты указывали на множество достоинств онлайн-опросов, но в качестве главных недостатков отмечались трудности в достижении репрезентативности опроса и незначительное число откликов потенциальных респондентов на предложение об участии в нем. Понятно, эти обстоятельства не могли серьезно осложнить схему задуманного исследования, поскольку оно априори не имело атрибутов массового выборочного опроса. И все же у меня и у ряда моих коллег, с которыми я неформально обсуждал начало работы и ее методический замысел, были сомнения в перспективности и каче-

ственности проведения интервью по электронной почте. Мне и сейчас не известны работы историко-биографической направленности, где использовалась бы эта методика, а в середине «нулевых» это было крайне новым и необычным. Прежде всего, высказывались опасения по поводу того, что электронная почта слабо освоена российскими социологами, в том числе — представителями старших поколений, и возникнут препятствия для поиска респондентов. Помимо этого, существовало и существует множество вопросов, касающихся организации электронного биографического интервью и главное — специфики общения, возникающего между спрашивающим и отвечающим. Так или иначе, но итогом анализа критических аспектов и достоинств этого метода (к примеру, простота, дешевизна) стало решение о начале проведения опроса.

Живя постоянно в крошечном американском городке, редко и ненадолго приезжая в Россию, я понимал ограниченность моих возможностей в изучении истории современной российской социологии. Очевидно было, что я не смогу в полной мере использовать такие традиционные и эффективные методы исторических поисков, как работа в российских архивах и библиотеках, посещение научных центров в различных частях страны и встречи с большим числом социологов, обсуждение «лицом к лицу» промежуточных результатов исследований со специалистами. Не было у меня долгих рассуждений по поводу технологии интервьюирования — использование электронной почты оставалось единственным способом получения новой эмпирической информации. Мои интервью, во всяком случае на первых порах, были продолжением неформальной переписки с моими коллегами, которые и стали первыми «респондентами». Накопленный к тому времени опыт историко-биографических исследований однозначно запрещал мне конструирование жесткой анкеты и ее массовую рассылку. Только подчеркнуто личное общение.

Беседа о жизни человека — всегда штучна, интимна, ее развитие во многом определяется тем, как мы слушаем этого человека, как реагируем на сказанное (в моем случае — написанное) им. Иногда по развернутому, детальному ответу чувствуешь, что попал в дорогую для собеседника «точку», нащупал то, о чем ему самому давно хотелось рассказать. По содержанию ответов, их аргументированности и детальности можно было попытаться понять, интересна ли респонденту та или иная тема или она не казалась ему заслуживающей обсуждения. Но бывает, что ответ явно (или скрыто) указывает на нежелательность обсуждения предложенной темы или конкретного фрагмента жизни интервьюируемого. В таком случае я не настаивал, переходил к новой теме.

В моем интервью с А. Г. Здравомысловым я задал ему два вопроса методического плана: каковы границы, которые не имеет права переступать интервьюер, и в чем «плюсы» и «минусы» интервью по элект-

ронной почте. Я полностью согласен с его ответом на первый вопрос: «Это зависит от многих обстоятельств. Прежде всего, от отношений между собеседниками и их заинтересованности в предмете разговора. Не надо идти против внутреннего такта, чувства меры» (И: Здравомыслов 2006а: 10). Проблема лишь в нахождении этой меры. Однако реакция Здравомыслова на второй вопрос была для меня не столь однозначной: «Я предпочитаю личный контакт: видишь выражение лица собеседника, можешь понять иронию и шутку. А по электронной почте нет одновременности действия, соучастия. Плюсы — лишь в экономии времени и затрат» (Там же). Во-первых, выражение лица собеседника может быть обманчиво. Во-вторых, никакой экономии времени — к сожалению — этот метод не дает. Наоборот, он значительно более трудоемкий — и для респондента, и для интервьюера, — чем личное интервью. В-третьих, «одновременность действия», т. е. непосредственная биографическая беседа, зачастую может быть менее комфортна для обоих собеседников, чем опосредованная.

Все электронные беседы строились примерно по одному плану, поэтому можно говорить о присутствии во всех интервью ряда общих информационных блоков. Однако все беседы были сугубо индивидуализированными по набору и последовательности вопросов, по динамике развития линий жизни, степени открытости обсуждаемых тем, ритмике и литературному стилю. Все это формируется в процессе интервьюирования и во многом определяется личностными особенностями респондентов, их жизненным и профессиональным опытом и, конечно же, особенностями их взаимоотношений. Это данность, которую нельзя не учитывать, и иного не могло быть. Более формализованная, жесткая схема беседы противоречила бы стремлению к максимальному раскрытию респондента и приданию интервью духа мемуарности.

Биографическое интервьюирование людей, достигших определенных успехов и признания в своей профессиональной деятельности, во многом отличается от других видов, форм, типов социологического интервью. Особенно если респонденты — социологи, десятилетиями использовавшие различные формы опроса населения и его отдельных групп. Ибо в таком случае беседа становится специфической, многошаговой рефлексией опрашиваемого и опрашивающего по поводу задаваемых вопросов. Это аналогично тому, что испытывают два опытных врача при обсуждении болезни одного из них.

Проблема отбора респондентов возникла сразу, но специфика сбора данных — личные и весьма продолжительные интервью по электронной почте — не требовала предварительного ответа на все просматривавшиеся на старте работы методические и организационные вопросы комплектования выборки. Интервьюирование можно было начинать сразу, поскольку границы изучаемой совокупности в целом

были ясны и несколько «жертв» для проведения первых опросов были намечены без особых затруднений.

Носителями информации о становлении постхрущёвской российской социологии являются люди, которые участвовали в этом процессе, задавали его основную конфигурацию и непосредственно наблюдали все происходившее. В начале работы предполагалось, что исследование прежде всего будет фокусироваться на рассмотрении процессов, протекавших в относительно узком временном интервале — конец 1950-х — начало 1980-х гг. В те годы, особенно в первой половине указанного отрезка времени, научных центров было немного и не существовало широкой системы профессиональной подготовки социологов, генеральная совокупность (здесь этот термин очень условен, так как он относится к методологии выборочных опросов) настоящего исследования виделась достаточно ограниченной. Однако ее границы были расплывчаты, и ее полный охват был невозможен. Многих участников этого процесса уже нет в живых; кто-то отошел от социологии. Ряд специалистов, внесших заметный вклад в развитие советской социологии, теперь живут в независимых постсоветских государствах, и хотя многие из них активно продолжают свою профессиональную деятельность и их воспоминания могли бы быть крайне ценными, на настоящем этапе работы я не включил их в изучаемую общность.

Весьма скоро обнаружилась ошибочность установки на интервьюирование лишь представителей первых поколений социологов. Сама логика исследования подвела к необходимости обращения к биографиям социологов следующих когорт.

Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому первым критерием для отбора респондентов оказалось наличие у них электронной почты. Практика показала, что это не слишком жесткий критерий — в начале нового века электронная почта подавляющим числом социологов старших поколений уже была освоена. Вместе с тем то, что некоторые из потенциальных респондентов не пользуются электронной почтой, сделало невозможным проведение с ними интервью.

Второй критерий — возраст опрашиваемых. Ниже данная тема рассматривается подробно, сейчас лишь замечу, что первоначально это были ученые, возраст которых варьировал в узком возрастном промежутке: старшие приближались или уже отметили 80-летие, младшие перешагнули 60-летний рубеж. Ведь именно эти ученые могли многое рассказать о прошлом. Позже возрастной интервал был расширен, и я стал опрашивать более молодых социологов.

Третий критерий — успешность деятельности ученых. Она не связывается напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных работ и т. д. Речь идет скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом.

Часть II

БИОГРАФИИ В ИСТОРИИ

Глава 5

Начало биографий

Проведенные мной интервью с представителями первых четырех поколений современной российской социологии содержат богатейшую информацию о родительских семьях моих респондентов, но я приведу здесь лишь общие выводы осуществленного анализа этих разделов их биографий. Более обстоятельно рассматриваются начальные этапы жизни моих собеседников. В целом полученный материал мог бы стать основой не одного романа о жизни советских людей.

О предбиографии и начале биографии

Биография человека начинается с его рождения, но ей предшествует *предбиография*, т. е. долгий процесс формирования семьи, в которой он родился и воспитывался.

Собранные данные показывают, что предбиографический мир первых поколений советских социологов — очень богатый и включает в себя множество социально-структурных и социокультурных образований, характерных для дореволюционной России и для всех периодов существования СССР. Генеалогические линии выходят из двух столиц, из крупных, средних и малых городов, из русских деревень и еврейских местечек; из Западной, Центральной, Южной, Северо-Западной, Уральской частей страны и из Дальнего Востока. Есть среди социологов «посланцы» семей, корни которых уходят в 16–17 вв., а есть — с небогатым прошлым. Среди предков социологов — представители большого числа сословий дореволюционного российского общества (дворяне, мещане, купцы и мастеровые, учителя, врачи, крестьяне, священники, военные, казачество) и всех социальных страт советского общества. Люди с прекрасным образованием, в том числе полученным в лучших европейских университетах, и малограмотные, и совсем неграмотные. Многие участвовали в войнах:

еще в царское время, в Гражданской войне — и на стороне «красных», и на стороне «белых», во Второй мировой. Практически по всем семьям прокатились волны послереволюционных репрессий.

Мне не известны работы по *генеалогии профессиональных групп*, хотя допускаю, что нечто подобное могло быть сделано применительно к музыкантам, священникам, военным, т. е. представителям профессий, для которых характерна преемственность. Поэтому невозможно было воспользоваться методологией такого типа исторических поисков, а также сопоставить полученные результаты с генеалогией других профессиональных образований. Изучение состава родительских семей современных российских социологов стало развитием, утилизацией концепции толстого настоящего и было порождено повышенным вниманием к предбиографиям. Это — теоретические предпосылки, но есть — общесоциальные, макрофоновые. Такое исследование стало возможным только в начале наступившего века и лишь благодаря изменениям в отношении к прошлому, произошедшим в последние десятилетия XX в. в стране и в сознании россиян.

В интервью, особенно в первых из них, я не просил моих собеседников вспоминать далекое прошлое их семей, спрашивал лишь о родителях. Так что появление таких рассказов — отчасти спонтанное. Просто наступившее время способствует воспоминаниям, да и возраст многих моих собеседников располагал к тому, чтобы поговорить о своих корнях; так и писали — останется детям, внукам. Даже 15–20 лет назад мало кто из россиян в рассказах о своих предках рещался говорить об их службе при царском дворе, о белых офицерах, казачьих атаманах, дедах-немцах, бабках-польках, евреях-домовладельцах, репрессированных «врагах народов». Существовало несколько эталонных биографий советских людей, и все отличное от этого государством заданного «стандарта» на семейное прошлое явно не приветствовалось. Лучше было иметь неграмотных родителей или вообще быть сиротой, чем деда — профессора Императорского университета или дядю-наркома.

Своеобразным показателем валидности полученной биографической информации является то, что среди родителей первых трех поколений российских социологов часто указывались крестьяне; среди этих социологов было много таких, кто первыми в роду получили высшее образование. Родители старших по возрасту социологов родились на рубеже XIX–XX вв., т. е. еще в дореволюционной — преимущественно сельской — России. Представители четвертого поколения в основном оказываются выходцами из семей, в которых родители (а достаточно часто и родители родителей) являются обладателями высшего образования и нередко — ученых степеней.

Проведенный генеалогический анализ трактуется как *культурологический* поиск, направленный на понимание особенностей макросреды,

в которой формировались первые поколения современного социологического сообщества. Может ли собранный материал стать объектом «жесткого» социолого-научного исследования, нацеленного на поиск влияния истории семьи на выбор человеком профессии «социолог» и на характер его профессиональной деятельности?

Вообще говоря, импульсом к проведению подобного анализа стали сами интервью. Так, А. Г. Здравомыслов завершил рассказ о своей семье словами: «Какое отношение это имеет к социологии? Моя гипотеза состоит в том, что с детства я жил в социально неоднородной среде и, возможно, это обстоятельство пробудило интерес и внимание к самым разным людям» (И: Здравомыслов 2006б: 154). Ю. А. Левада вспоминал: «Интерес к философии — наивный интерес, просто из домашней библиотеки. У нас было тома истории философии; первый я прочел в девятом классе, но на Аристотеле запутался — не сумел разобраться в его категориях. Однако было представление, что в МГУ чему-то научат» (И: Левада 1999: 82). Социолог-криминолог Я. И. Гилинский еще в школе начал читать Канта, Спинозу, древнегреческих философов, некоторые книги по истории философии. Он, в частности, писал: «У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков “Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)”». Не с ними в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?» (И: Гилинский 2005: 4). Когда А. В. Русалинова заканчивала школу, ее отец, в 20-х гг. работавший под началом В. М. Бехтерева, дал ей прочитать книгу своего друга Б. Г. Ананьева «Очерки психологи», и эта наука заинтересовала ее.

Тем не менее в силу ряда обстоятельств я смотрю без особого оптимизма на возможность обнаружения прямых, жестких корреляций между характерными чертами «поля» данной, конкретной семьи и будущей работой человека в социологии. Прежде всего, потому, что практически все социологи первых четырех поколений начинали свою деятельность, когда в стране не существовало социологического образования и не было проблемы выбора этой профессии. Многие пришли в социологию, имея базовое образование в областях, далеких от обществоведения; многих привел случай, внешние обстоятельства. Еще одна причина — методическая; эта задача не формулировалась в начале исследования, и поэтому информация о семьях не обладает должной полнотой, а иногда и полностью отсутствует.

Скорее речь должна идти о *выявлении влияния* интеллектуального и нравственного полей семьи и ближайшего окружения, прежде всего школы, на стремление к получению высшего образования, на формирование предрасположенности к восприятию социальной проблематики, на зарождение в человеке мечты о совершенствовании окружающего мира. Важны также семейные традиции отношения к труду и другие

характерные для мира, окружавшего человека в процессе ранней социализации, элементы трудовой этики. В частности, установка на достижение жизненных целей, поддержка самостоятельности и творчества. Другими словами, характеристики, типы, особенности родительских семей определяли состав почвы, на которой в условиях хрущёвской «оттепели» произросли первые послевоенные российские социологи.

Предбиография обрывается в момент рождения, и сразу начинается собственно биография. Если бы центром книги были судьбы одного-двух социологов, можно и нужно было бы обратиться к их детству, к поискам ранних истоков творчества. Но в этом исследовании фокус внимания направлен на социологические поколения, и это определяет специфику сбора и анализа информации. Вообще говоря, трудно однозначно определить, где завершается «начало» биографии, но в нашей ситуации подобное решение все же может быть принято: окончание института, т. е. приобретение человеком специальности. На этом пути есть два основных этапа: получение общего среднего образования и затем — высшего. Кроме того, в этот временной отрезок могут входить работа и служба в армии.

Начало биографии включает в себя многое, но мне показалось важным остановиться на четырех составляющих этого периода жизни человека.

Прежде всего, — *школа*, или, точнее, получение общего среднего образования. В одних биографиях этот процесс занял 7–8 лет, в других — 10–11, однако случалось и более. В старших поколениях этот период пришелся на годы войны, в младших — на те или иные этапы застоя.

Наиболее сложно было определить подход к анализу и описанию периода получения социологами четырех первых поколений *высшего образования*, и проблематичность этого коренится в особенностях времени, когда каждое из них училось в вузах, и в специфике развития социологии в СССР. Кроме того, необходимо было учитывать, что значительное число социологов второго и третьего поколения по базовому образованию были далеки от обществоведения и человекознания.

Третья составляющая начала биографии — *политико-идеологические установки*, с которыми входили в жизнь четыре профессиональные когорты, и *формы деятельности*, которые они демонстрировали. Не коснуться этой темы нельзя, ибо разговор идет о социологах, исследователях общества. Но осветить ее весьма непросто, ибо сам феномен политико-идеологического сознания и поведения сложен, многомерен, а при его изучении мы входим в интимные области прошлого человека. Не все модели поведения, казавшиеся четыре-пять десятилетий назад естественными, нормальными, общественно поощряемыми, смотрятся таковыми в начале XXI в. По ходу изложения к этой теме придется возвращаться не раз, но применительно к «началу био-

графии» остановимся на двух ее аспектах: *восприятие смерти Сталина* и *комсомольская активность*.

В определенном смысле и следующая, четвертая составляющая жизни в студенческие годы — *включенность в неформальную культуру общества*, или, по словам Б. М. Фирсова, в пространство разномыслия в СССР, — является частью, слоем политико-идеологической жизни общества и человека. Но эту составляющую целесообразно рассматривать отдельно. Ибо, во-первых, она — элемент не только политики и идеологии, но и многих типов культуры. Во-вторых, неформальная культура часто противопоставляла себя государственной идеологии и была направлена на изменение, значительно реже — на разрушение существовавшей политики.

Воспоминания социологов четырех первых поколений о годах обучения приводятся ниже, но я полагаю, что начать этот раздел, необходимо с цитирования фрагментов воспоминаний моих респондентов о войне. У одних она пришлась на школьные годы, у других — на дошкольные, третьи совсем еще маленькими переживали с родителями тяжелое послевоенное время; наконец, представители четвертого поколения подключились к событиям войны уже через воспоминания старших. Многих — особенно последних — я не спрашивал напрямую о войне, но она так или иначе присутствует во всех интервью.

Память о ней — общая и одновременно у каждого — своя

Т. И. Заславская значительную часть своих мемуаров (Заславская 2007) посвятила описанию ее жизни в годы войны, вместивших долгую и драматическую поездку из Киева в Узбекистан с родственниками, шок от сообщения о гибели матери в Москве при первой бомбардировке города, борьбу за выживание в Ташкенте, нищенскую жизнь по возвращении в Москву в 1942 г., завершение школы и начало обучения в МГУ. В нашей беседе она сформулировала то главное, что в самом общем виде оставила в ней война.

...Затем — война, когда формировались патриотические идеалы. И вот, скорее всего во время войны, я стала относить к своим важнейшим ценностям, даже сверхценностям, каких у меня не больше пяти и которые определяют всю жизнь, такую странную и необычную ценность, которую я называю — Россия. Россия как ценность — она многогранна, одно из ее проявлений — то, что я не представляю своей жизни вне России (И: Заславская 2007б: 139).

Б. М. Фирсов, вспоминая 900 дней блокады Ленинграда, сказал, что он вышел из того времени «с громадным запасом жизненного оп-

что-то такое было произнесено. Для меня Сталин был кумиром, естественно, у меня никаких интеллигентских штучек в голове не было... А это наложение двух смертей, мать и отец, именно так я воспринимал, и даже сказал, похоже, этим ребятам, которые выпивали, что мне не нравится, не надо так говорить, пожалуйста, все-таки траур. Они испугались, извинились. Я говорю: «Всё нормально, парни, не волнуйтесь». Они фактически провожали меня, как я выходил из поезда. Смотрели, не пойду ли я сдавать их в милицию. У меня таких намерений не было, мне просто было все это неприятно (И: Баранов 2008: 3).

Прозрение В. Э. Шляпентоха состоялось значительно раньше: «Я рано, уже на первых курсах университета — в 1947–1948 годах — вместе с моим покойным другом выработал резко отрицательное отношение к системе и к Сталину. Его смерть воспринял с радостью» (И: Шляпентох 2006: 3).

Сфера свободы

Принимая во внимание страх родителей за своих детей, в условиях тоталитарного общества, жесткого репрессивного режима, в период военного и послевоенного времени, *семья* — каким бы ее прошлое ни было и какие бы политико-идеологические и культурные представления в ней ни доминировали, — как правило, формировала в сознании детей позитивные взгляды на окружающий мир, на действующую власть, на Сталина. Приведенные выше фрагменты воспоминаний социологов старших возрастов однозначно свидетельствуют о том, что детей держали в неведении о генеалогии семьи и о тех сторонах жизни страны, которые взрослые разрешали себе обсуждать лишь вечерами и шепотом.

Школа — один из официальных воспитательно-идеологических институтов общества, и в ней, даже при наличии выдающихся преподавателей, старавшихся привить ученикам, говоря современным языком, общечеловеческие ценности, доминировали правила, предписания, которые диктовались временем и идеологией. Преподавали тенденциозно урезанный, политизированный курс истории страны, до минимума был сокращен перечень писателей, творчество которых изучалось, давалась классовая интерпретация русской классики.

Нет необходимости говорить о пронизанности идеологией всей *системы высшего образования* в СССР, тем более системы подготовки по обществоведческим, гуманитарным курсам и особенно программ соответствующих факультетов университетов.

Комсомол считался школой коммунизма. Нередко — в силу молодости или карьерных побуждений — комсомольскими организациями принимались по отношению к провинившимся решения более жесткие и бескомпромиссные, чем партийными структурами.

Безусловно, в пространстве каждого из этих социальных институтов за личностью сохранялась относительная степень свободы выбора, размышлений, допускались множественность интересов и некоторое разнообразие одобряемых обществом моделей поведения. Так, самостоятельно прочитанная классическая литература, целенаправленно проработанные в юношеские годы философские произведения, раздумья над страницами исторических произведений, рассмотрение семейных фотоальбомов, хранимых в глубинах шкафов, услышанные обрывки полупешота взрослых, воспоминания слегка подвыпивших и потому ослабивших внутренний контроль фронтовиков позволяли людям в период юности и ранней взрослости встретиться со знаками той реальности, о которой им не говорилось в школе, которой не было в сообщениях газет и радио, в рекомендованной для чтения литературе. И все же эти четыре сферы были пространством весьма ограниченной свободы.

Суммируя сказанное, было бы ошибочным в концептуальном плане и в собственно историко-биографическом отношении рассматривать процесс социализации представителей первых послевоенных поколений советских/российских социологов лишь в координатах, задаваемых родительской семьей, школой, высшим учебным заведением и комсомолом. Каждый из них в той или иной степени соприкасался с информацией, отличной от той, что распространялась прессой, радио, позже — телевидением; слушал поэтов, которых многие годы не публиковали, музыку, распространяемую на отработанных рентгеновских пленках, «забугорные голоса»; читал «самиздат» и «тамиздат»; посещал «подпольные» концерты; многие участвовали в различных формах самодеятельности, пытались писать стихи о волновавшем их, и т. д. Другими словами, одновременно со следованием предписаниям, действовавшим в жестко политизированных и идеологизированных сферах жизнедеятельности социума, представители всех рассматриваемых поколений социологов встречались с разномыслием и инакомыслием, с образцами андеграундной культуры и не плакатного поведения.

Таким образом, представляется важным обсудить тематику, которая до недавнего времени не рассматривалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но разработка которой может серьезно углубить понимание генезиса нашей науки, ряда особенностей ее развития и характера деятельности некоторых социологов. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление советской социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры в 1950–1970-х гг. Эта тема периферийна, если вообще может быть вписана в рамки институционального изучения истории отечественной социологии, но она становится значимой, если входить в историю через биографии социологов. Человек

на протяжении всей жизни в том или ином виде всегда соприкасается с различными формами неофициальной культуры, но очевидно, что для становления его, как личности, особое значение имеют контакты с этой культурой в ранней молодости.

В книге, посвященной истории разномыслия в СССР в 40–60-е гг., Б. М. Фирсов рассматривает две группы практик и сред формирования разномыслия: одна из них характерна для «отцов», другая — для детей (Фирсов 2008: 119–236). В его работе старшие — это люди, построившие социализм и победившие в войне, младшие — их дети. К набору отцовских практик относятся лагеря, в которых отбывали свой срок посаженные еще во второй половине 30-х, и вчерашние солдаты и офицеры, прошедшие через плен или обвинявшиеся в антисоветской деятельности; государственная политика, лишившая миллионы фронтовиков гордости за свою победу; нищета, бараки и перенаселенные коммуналки, выталкивавшие многих и многих в сарайчики, которые назывались «полбутылкой» и стали пространством «шалманной демократии», и прочее. В группу детей автор включает тех, кому в год Победы было 16–17 лет; они не знали по-настоящему страха конца 30-х, а их гражданские позиции формировались в годы политической «оттепели». Они учились в раздельных — мужских и женских — школах, смотрели трофейные фильмы, любили джаз, зачастую были рядом с полублатным миром и верили в комсомол. В своем стремлении к пониманию общества и его улучшению они создавали тайные объединения по изучению марксизма, конспиративные кружки культурологической направленности, пытались найти новые выразительные средства в области поэзии, театра и музыки.

Мне представляется, что возрастные рамки сообщества «детей» можно расширить, ибо даже встретившие Победу в значительно более раннем возрасте, они к моменту XX съезда КПСС уже достигли 15–16 лет и были способны многое понять. Они еще не были готовы к участию в тайных сообществах, но их формирование происходило в том же социокультурном пространстве, что и их старших братьев и сестер. В настоящей книге «дети», если иметь в виду типологию Фирсова, предстают в основном социологами первого — второго поколения и частично — третьего.

Отмечу и то, что дихотомия «приватного» и «публичного» не исчезла в 60-е гг.; она расширялась и в следующие два десятилетия, когда «дети» уже стали «отцами». Поколение их детей составляет значительную часть четвертой когорты советских/российских социологов. Но и в годы их первичной социализации, в начале их ранней взрослости, оставалось сосуществование — противопоставление жестко и относительно мягко идеологизированных областей жизни людей — изменилось лишь содержание пространства практик и сред формирования разномыслия.

Тема двух ниш, двух сфер реальности оказалась в поле моего зрения на фазе «предбиографии» настоящего историко-научно-исследовательского исследования, при работе над очерком о жизни и творчестве Б. А. Грушина. Так получилось, что траектория жизни Грушина всегда проходила через обе эти сферы, а в его отношении к своему делу, в языке его научных и публицистических выступлений, другими словами — в его творчестве, явно просматривается и понимание им необходимости выполнения требований «жесткой» среды, и стремление не покидать комфортную для него «мягкую» сферу, или сферу свободы. В ходе интервью почти все социологи разных поколений самопроизвольно или отвечая на мои вопросы касались этой темы; ибо в различной степени каждый из них был погружен в мир неформальной культуры.

Обращаясь к годам окончания школы и начала студенческой поры, Т. И. Заславская вспоминала о посещениях студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых поэты-фронттовики читали свои стихи. В нашем электронном интервью она писала:

Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобрели к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи (И: Заславская 2007б: 141).

По словам А. Г. Здравомыслова, в его жизни огромную роль играл хор Ленинградского университета, в воспоминаниях его сокурсницы А. В. Русалиновой есть такие слова: «Я в студенческие годы буквально “пустилась во все тяжкие”, не в обывательском смысле этого слова, а в плане максимального использования имевшихся возможностей: ходила в студенческий хор, которым руководил Г. М. Сандлер...» (И: Русалинова 2009: 4). А для А. В. Баранова хор — самое светлое воспоминание об университетских годах.

Биографический сюжет № 37. А. В. Баранов

...От философского факультета и от учебы на философском факультете в Ленинградском государственном университете имени Жданова я вынес только одно приятное воспоминание: я поступил в хор. Туда меня привел Андрей Здравомыслов, который раньше меня вошел в университетский хор. Там я был до окончания университета. И это единственное позитивное воспоминание об учебе в Ленинградском университете. <...>

Меня избирают старостой хора. Причем — первым старостой университетского хора, до этого не было такой должности. Так, что еще про университет... По-моему, больше ничего хорошего я сказать про него не могу (**И:** Баранов 2008: 6).

Б. М. Фирсов, закончивший в 1954 г. Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), вспоминает широко известный в Ленинграде в середине 50-х гг. студенческий спектакль «Весна в ЛЭТИ», одним из создателей которого он был (**И:** Фирсов 2005: 3). Л. В. Панова, которая в те же годы была студенткой Ленинградского кораблестроительного института, пишет о полузапрещенных джазовых концертах и спектакле «Весна в ЛЭТИ» и замечает: «Мы на него ходили и удивлялись, что наконец с нами говорят тем языком, который нам понятен и близок... не было никакой тяжеловесности, вранья, вымученной идеологии, которой было так напичкано все вокруг» (**И:** Панова 2008: 4). И. И. Травин, учившийся на историческом факультете МГУ в конце 50-х, отмечал особое влияние на него Московского фестиваля молодежи и студентов (1957); то были две недели, которые потрясли его мир. Упоминает он и мастерские художников, и выставки, а также концерты и фестивали Московского джаз-клуба (**И:** Травин 2008: 2–3).

В интервью с представителем четвертого поколения социологов В. И. Ильиным открылась сфера жизни, которой не могло быть у его старших коллег.

Биографический сюжет № 38. В. И. Ильин

Ряд студенческих лет он провел в общежитии ЛГУ № 6 на Мытнинской набережной, так называемой шестерке. Это был своеобразный Ноев ковчег, в котором жили студенты со всех концов света. Его соседями по комнате были японский социалист, племянник крупного бизнесмена из Токио, иракский коммунист, бежавший из Ирака от преследований Саддама Хусейна, а также выходец из элитной цейлонской семьи. О мире он узнавал не из советских газет, а в бесконечных распитиях чая, вина и водки, из постоянных разговоров на кухне и лестничных площадках. Туда модные диски привозились из Хельсинки, Стокгольма и Парижа. Там ходили книги не из книжных магазинов, хотя Солженицын давался только совсем своим. Здесь он впервые прочел ахматовский «Реквием». В его комнате пару лет готовилась стенная газета «118-я Правда» (118 — по номеру комнаты), он был ее главным редактором. Когда газету закрыли, он начал издавать иллюстрированный журнал «Жизнь “шестерки”», но его он показывал только своим (**И:** Ильин 2010: 139–140).

Теперь опишу подробнее практику поведения в «сферах свободы» отдельных социологов, представляющих третье и четвертое профессиональные поколения.

выми учениками. По отношению к третьему поколению «демоном», привратником сначала были представители первого поколения, а затем и второго.

Функции поколений: общие положения

Рассмотрение путей, которыми входили в социологию представители первого и второго поколений, позволяет наметить присущие каждой профессиональной когорте *ведущие роли и функции*, в процессе становления в стране социологии. Эти роли не распределялись каким-либо режиссером, внешней силой, властными институтами, они были избраны участниками процесса самостоятельно и часто выстраданы. Путь каждого социолога во многом был случаен, а вот функции поколений — и в этом одно из достоинств поколенческого анализа — закономерны, объективны. Они — следствие исторических процессов, составляющих фон и суть второго рождения современной советской/российской социологии. В начале 60-х гг. «процесс пошел», и далее на десяток лет все было, по большому счету, предопределено. Сошли бы пионеры с той стези, на которую их вывели политическая «оттепель» и стремление в рамках марксизма искать новые социальные горизонты, — и не состоялось бы тогда этого второго рождения.

Первому поколению социологов предстояло доказать самостоятельность социологии как науки, и это была не просто науковедческая тема, не вопрос феноменологии, методологии и организации науки, но прежде всего — *проблема политико-идеологическая*. Второе поколение, если говорить в целом, почти не участвовало в дискуссиях о специфике марксистской социологии. Оно, опять же в основном, приняло концепцию трех уровней социологии и решало задачи *расширения предметного поля* исследований в опоре на свой солидный «до- и внесоциологический» научный и практический опыт. Единство общенаучных установок представителей этих двух поколений, почти тождественность их исторического и социального опыта, а также признание «вторыми» того обстоятельства, что «первые» являются их *учителями*, наставниками (вскоре все они стали коллегами, а многие и друзьями), определило отсутствие серьезных межпоколенческих конфликтов.

Формирование следующего, третьего поколения — время рождения представителей этой группы заключено в интервале от 1935 до 1946 гг. — тоже несет в себе следы «ненормальности» развития российской социологии, т. е. ее длительного отсутствия и затем второго рождения. Но оно проявляется иначе, чем было описано выше. Проследим этот процесс на примере вхождения в социологию 31 представителя третьего профессионального поколения (табл. 6).

Таблица 6

**Базовые статистические характеристики
анализируемого массива представителей третьего поколения
российских социологов**

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Годы прихода в социологию	Год защиты диссертации (канд. /докт.)
Башкирова Елена Ивановна	1946	1969	1981/Нет
Беляев Эдуард Викторович	1936	1960	1966/Нет
Божков Олег Борисович	1941	Середина 60-х	Нет
Бороноев Асалхан Ользонович	1937	То же	1969/1980
Воронков Виктор Михайлович	1945	Вторая поло- вина 80-х	Нет
Голенкова Зинаида Тихоновна	1939	Середина 60-х	1974/1980
Голод Сергей Исаевич	1935–2013	Начало 60-х	1970/1987
Голосенко Игорь Анатольевич	1938–2001	Середина 60-х	1967/1980
Голофаст Валерий Борисович	1941–2004	Конец 60-х	1972/нет
Готлиб Анна Семеновна	1945	1971	1990/2005
Гофман Александр Бенционович	“	Начало 70-х	1974/1994
Гудков Лев Дмитриевич	1946	1970	1978/1995
Докторов Борис Зусманович	1941	1968	1970/1985
Дубин Борис Владимирович	1946	“	Нет
Ионин Леонид Григорьевич	1945	Начало 70-х	1974/1983
Капелюш Яков Самуилович	1937–1990	Середина 60-х	1972/Нет
Кесельман Леонид Евсеевич	1944	Начало 70-х	Нет
Константиновский Давид Львович	1937	1968	1970/1998

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Годы прихода в социологию	Год защиты диссертации (канд. /докт.)
Левинсон Алексей Георгиевич	1944	Середина 60-х	1980/Нет
Могилевский Роман Семенович	1938	То же	1984/Нет
Панова Людмила Васильевна	“	1966	1975/Нет
Петренко Елена Серафимовна	1940	1968	1973/Нет
Позднякова Маргарита Ефимова	1939	Конец 60-х	1978/Нет
Протасенко Татьяна Захаровна	1946	То же	Нет
Саганенко Галина Иосифовна	1941	1962	1974/1991
Смирнова Елена Эмильевна	“	Конец 60-х	1971/1993
Старовойтова Галина Васильевна	1946–1998	То же	1980/Нет
Толстова Юлиана Николаевна	1942	1969	1977/1993
Травин Игорь Иванович	1936	1971	1978/Нет
Чесноков Сергей Валерианович	1943	1969	1969/Нет
Шереги Франц Эдмундович	1944	1973	1976/Нет

Обычно каждое новое поколение в науке развивается под наблюдением двух предыдущих, но в данном случае такого не могло быть. «Вторые» к моменту появления «третьих» еще не набрали той силы, чтобы активно влиять на становление входивших в науку новых людей, да и вчерашние студенты и молодые ученые предпочитали консультироваться у «первых». В большинстве случаев учителями, наставниками третьего поколения были социологи первого призыва (самопризыва); более того, формирование второго и третьего поколений происходило не строго последовательно, а *последовательно-параллельно*. Во всяком случае, первые шаги по рекрутированию третьего поколения делались не позже, чем начинало складываться второе.

В середине 60-х гг. некоторые исследователи из третьей профессиональной когорты уже считали себя социологами, тогда как будущие

представители второй когорты еще работали по своей базовой специальности: юристами, журналистами, историками, переводчиками и т. д. На кафедрах философии ведущих университетов страны стали утверждать аспирантские темы социологической направленности, и, таким образом, некоторые старшие представители третьего поколения становились кандидатами наук ранее их будущих коллег из второго поколения.

Для такого хода событий были объективные предпосылки. В этот период в университетах создавались хозрасчетные социологические лаборатории, открывались академические социологические подразделения; для претворения в жизнь идеи социального планирования формировалась сеть заводских социологов; под руководством социологов первого поколения разрабатывались и осуществлялись крупные исследовательские проекты, давшие теоретико-эмпирический материал для ряда книг, признанных классическими в отечественной социологии. Происходило осознание того, что без освоения трудных разделов планирования процедур сбора и обработки больших массивов информации задумываемые проекты не смогут быть реализованы. Становилось все более ясно, что для развития социологии необходимы люди, способные целенаправленно заниматься освоением зарубежных теоретических и методических достижений, заглядывать в прошлое науки.

Третье поколение входило в социологию в начале 60-х гг., и это движение продолжалось в течение всего следующего десятилетия. Лишь более молодые, относившиеся к этому поколению, учились на философских факультетах университетов и приходили в социологию более или менее осознанно. Все остальные, учившиеся на философских факультетах во второй половине 50-х гг. или получавшие другие специальности в университетах и институтах, как правило, не знали, что это за наука. Однако в силу личностных и профессиональных качеств они были готовы к достаточно быстрому освоению языка социологии и успешной работе в социологических коллективах. Те, кому все это новое приходилось по душе, кто прикипал к делу и к своим наставникам, начинали образовывать третье поколение советских/российских социологов.

Третье поколение представлено в нашем массиве заметно большим, по сравнению с двумя предыдущими поколениями, количеством социологов. Во-первых, в гипотетической генеральной совокупности советских/российских социологов представителей этой когорты, очевидно, было больше, чем социологов первых двух поколений. Во-вторых, пути представителей третьего поколения в социологию более вариабельны; значит, необходим больший материал для выявления моделей их вхождения в науку.

Возможно, *главное отличие* третьего поколения от второго заключается в том, что оно осознанно, целенаправленно рекрутировалось и создавалось в основном первым поколением, тогда как второе прихо-

дило в социологию само. Соответственно, роль, назначение, функции третьего поколения определялись не только временем, политическими, идеологическими и социальными особенностями советского общества второй половины 60-х—первой половины 70-х гг., но и в значительной степени научными интересами и личностными характеристиками социологов первого поколения. Все они к тому времени были докторами наук или собирались защищать диссертации, авторами основополагающих для отечественной социологии книг, руководителями крупных проектов или подразделений академических институтов. Они имели возможности, правда, не очень широкие, набирать штат сотрудников и руководить аспирантами. И делали это, прежде всего исходя из собственных научных интересов, текущих производственных потребностей, представлений о том, какими они видели своих младших по возрасту коллег. Естественно, они осуществляли свой выбор из того человеческого и профессионального «материала», который предоставляла им эпоха.

Анализируя состояние только начавшей оформляться советской социологии во второй половине 60-х гг., можно выделить обозначившиеся в те годы тенденции ее развития, которые определяли механизмы рекрутирования новых кадров и будущую тематику их исследований. Нет смысла сравнивать глубину ощущавшихся проблем, но, безусловно, среди главнейших была проблема математической обработки результатов анкетных опросов. Особенностью того времени были большие объемы выборок и большое число вопросов, которые включались в анкеты. Использовались и другие методы сбора информации, но доминировало анкетирование. Математики нужны были для обеспечения анализа первичных данных, планирования выборок, разработки приемов шкалирования измеряемых установок. Освоение зарубежного опыта и некоторое оживление контактов с западными специалистами требовали привлечения в социологические коллективы людей, профессионально знающих иностранные языки. Помимо этого, требовалось овладеть методологией и практикой феноменологической социологии; начинала осознаваться ограниченность **жестких** позитивистских концепций и методов. Наряду с изучением современных для того времени социологических теорий и эмпирических приемов, зарождался интерес к истории зарубежной и отечественной социологии.

Собранная биографическая информация позволяет уточнить рассмотренные выше и построить новые, не существовавшие до сих пор модели вхождения специалистов в социологию. Для решения этой задачи априори сформируем три группы специалистов, входивших в социологию через три «разные двери».

Первую группу назовем «математики». Она объединяет получивших базовое математическое, физическое или техническое образование

и включает тех, кто в своем движении в социологию исходно ориентировался на получение технической специальности, но потом приобрел профессию экономиста. Вторая группа — «филологи». Это люди, рано почувствовавшие интерес к изучению языков или литературы и избравшие в качестве своей будущей профессии филологию или журналистику. Хотя, как показано в гл. 6, и раньше в социологию приходили специалисты с техническим и журналистским образованием — но это были все-таки отдельные, нетипичные случаи. Поэтому становление двух названных подгрупп третьего поколения, заметных по численности в общем составе этой когорты, было новой тенденцией в образовании профессиональной структуры советской/российской социологии. Третья группа типичная — это «философы» или, шире, обществоведы.

Вне рамок этих трех групп рассмотрим лишь движение в социологию Эдуарда Викторовича Беляева, который принадлежит к старшему слою третьего поколения. Будучи философом, он занимался методологией применения математики в социологии, т. е. по направленности своей деятельности оказался близок к математикам. Его можно отнести и к группе философов, и к группе математиков.

Биографический сюжет № 1. Э. В. Беляев

Беляев закончил философский факультет ЛГУ. Будучи ленинградцем и пережив в городе блокаду, он не пожелал никуда уезжать по распределению. Преподавательскую работу он не получил и остался на факультете лаборантом. Далее процитирую его слова.

Я выполнял какую-то ерунду и познал идиотизм всей той деятельности, которую я исподтишка саботировал. У меня была возможность заниматься своими любимыми делами. Проработал я так недолго, по моему, всего год. «Преобразования в обществе» дошли наконец до факультета. В. Ядову предложили сформировать социологическую лабораторию. Насколько я знаю, первую в стране (1960 год). Он взял в лабораторию меня... Я был самым молодым в этой команде (**И:** Беляев 2010: 5–6).

Обучаясь в 1963–1966 гг. в философской аспирантуре под руководством И. С. Кона, Беляев занялся анализом круга проблем, касавшихся использования математики в западной социологии. Предполагаю, что в этом исследовательском направлении его работа была первой. На философском факультете ЛГУ его диссертация была встречена враждебно, тем не менее ученый совет ее одобрил. Работа называлась «Математические методы в социологии США: критический анализ». Защита состоялась в 1966 г., и оппонентами были два доктора наук: Г. М. Андреева и Ю. А. Левада. Вскоре после защиты Беляев опубликовал в «Вопросах философии» (Беляев 1967) статью по теме диссертации. Скорее всего, это была одна из первых проблемных статей, написанных социологом третьего поколения. С 1977 года Беляев живет в США.

С должности генерального директора он ушел, полагая невозможным быть руководителем компании и при этом иметь свой параллельный бизнес, но остался работать в СНИЦе в качестве исследователя. Доходов издание не приносит, все это скорее хобби, чем бизнес. Но журнал живет. Во-первых, Илле всегда хотелось издавать журнал, на его шкале ценностей эта деятельность имеет более высокий рейтинг, чем руководство исследовательской компанией. Во-вторых, немаловажную роль сыграло еще одно обстоятельство: статьи, которые он писал по результатам эмпирических исследований, всегда охотно принимались к публикации в разных изданиях, но когда он предлагал редакциям тексты теоретического характера, возникали трудности. Желание не зависеть от вздорных и необоснованных отказов в публикации и варварских редакционных правок было немаловажным стимулом для того, чтобы сделать собственный журнал. Учитывая свой печальный опыт, Илле редко отказывает авторам, присылающим свои статьи в «Телескоп», и время от времени публикует тексты, которые вряд ли были бы изданы в других журналах. Кроме того, любую сколько-нибудь существенную правку он в обязательном порядке согласовывает с автором.

Журнал выходит шесть раз в год, и с 1997 г. уже вышло более 80 номеров. Общее количество опубликованных статей — около семисот, авторов — несколько сотен. Илле считает, что социология — сродни фотографии, документальному кино. Социологи помогают сохранить и передать будущему описание времени в фактах, деталях, ракурсах, доступных именно социологии. Через полвека историки из данных социологических и маркетинговых исследований будут узнавать, какие проблемы волновали людей, живших в конце XX—начале XXI в., какие фильмы они смотрели, какие товары покупали. Поэтому он активно публикует результаты эмпирических исследований, содержащих подробное описание поведения и сознания населения в целом и его основных групп.

Новый вызов: изучение общественного мнения и рынка

Настоящий раздел — продолжение предыдущего, но, принимая во внимание логику описания четвертого поколения отечественных социологов, он выделен в самостоятельную «единицу» структуры данной главы. Во-первых, восемь из четырнадцати проинтервьюированных представителей этой группы в определенный период своей жизни были в той или иной степени вовлечены в проведение опросов населения или рассматривают изучение общественного мнения в качестве главного направления своей деятельности. Во-вторых, изучение общественного мнения и — особенно — исследование рынка представляется той областью социологической деятельности, в которой в настоящее время занята значительная часть специалистов, имеющих социологическое образование или опыт прикладных социологических исследований. Произшедшее явно не случайно, это отражение комплекса событий,

относящихся к перестройке и к политико-экономическим процессам, ставшим ее продолжением.

Не четвертое поколение первым приступило к зондированию общественного мнения в СССР/России. Все началось за несколько десятилетий до начала перестройки с опросов и теоретических разработок Б. А. Грушина. Изучением массовых установок до середины 80-х гг. занимались и социологи предыдущих поколений, профессиональные траектории которых рассматривались выше: Е. И. Башкирова, Т. И. Заславская, Я. С. Капелюш, Л. Е. Кесельман, Ю. А. Левада, Е. С. Петренко, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсов, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентох; автор данной книги тоже относится к этой группе. Некоторые из них сохраняли интерес к данной области социологии в «нулевые» годы нового столетия и продолжают работу в начале «десятих». И все же ни в одном из поколений социологов полстерская деятельность не была столь распространенной, как в четвертом.

Вернусь к рассмотрению жизненных путей тех представителей четвертого поколения, элементы профессионального движения которых уже обсуждались в этой главе.

В начале 1980-х гг., когда в течение непродолжительного времени Батыгин сотрудничал с «Литературной газетой», он проводил опросы читателей.

Тарусин несколько лет работал во Всесоюзном (Всероссийском) центре изучения общественного мнения, а затем — в Фонде «Общественное мнение».

Работая в Сыктывкарском университете, Ильин и его коллеги создали социологическую лабораторию, где начали проводить первые эмпирические исследования, которые уже можно было не согласовывать с людьми, знавшими, какие выводы *надо* получать. Пик активности в деятельности их лаборатории — 1988–1989 гг., когда они круглый год изучали электоральный процесс в Коми АССР и консультировали некоторых кандидатов в народные депутаты СССР. Трое их «подопечных» победили.

Давыдов в 1984 г. поступил в заочную аспирантуру Института социологии АН СССР, а через год был принят в институт на должность младшего научного сотрудника в Центр изучения общественного мнения — одного из институтских подразделений. Он занимался расчетом выборок и статистическим анализом результатов опросов общественного мнения на ЕС ЭВМ. Определенные навыки в этом он приобрел на прежней работе; кроме того, ему был интересен анализ данных.

Биографический сюжет № 16. М. Е. Илле

Илле свыше двух десятилетий работает в небольшой независимой фирме, известной в Петербурге как СНИЦ, который занимает заметное

место среди организаций, проводящих опросы общественного мнения и изучающих рынок. Рассказ Илле помогает понять процесс создания подобного рода аналитических структур.

История СНИЦ — это большая тема, тесно переплетенная с историей становления и развития исследований рынка и общественного мнения в Петербурге, которая может быть предметом самостоятельного исторического исследования. Если коротко коснуться этой темы, то в начале 90-х годов СНИЦ был одним из крупнейших независимых центров в городе и занимал лидирующее положение на рынке, но в дальнейшем сохранить лидерство организации не удалось. Это произошло, на мой взгляд, по двум основным причинам (**И:** Илле 2007: 4).

Во-первых, на этапе акционирования в 1992 г. основателями компании было принято благородное, но стратегически неверное решение: пакет акций был распылен между всеми основными сотрудниками, работавшими в то время. Отсутствие контрольного пакета в руках одного или, по крайней мере, двух-трех собственников сделало принятие решений по стратегическим вопросам дальнейшего развития простым и конфликтным делом. Демократия в бизнесе сыграла плохую службу. Во-вторых, в то время в СНИЦ собрались амбициозные, энергичные люди, с высоким уровнем притязаний, которым стало тесно в одной лодке, и, кроме того, возможности капитана оказалось весьма ограниченными. Поэтому начиная с 1994 г. происходило не наращивание мощи и потенциала компании, а сдача завоеванных позиций. Уходившие специалисты уводили с собой часть клиентов, с которыми они непосредственно работали. Особенно чувствительным оказался уход в 1995 г. Р. С. Могилевского (**И:** Могилевский 2006), с которым ушел весь отдел маркетинга. Итогом этого процесса стало то, что во второй половине 2010-х гг. в Петербурге работало шесть исследовательских центров, созданных или возглавляемых бывшими сотрудниками СНИЦ.

Обращение к интервью с Александром Юрьевичем Мягковым показывает одновременно изменения, которые внесла перестройка в его профессиональную жизнь, и путь его движения в сторону изучения общественного мнения.

Биографический сюжет № 17. А. Ю. Мягков

В январе 1983 г. Мягков защитил в ИСИ АН СССР кандидатскую диссертацию по критике советологических концепций интеллигенции, правда, вспоминает он, «накануне предзащиты, когда диссертация была почти готова, мне было настоятельно предложено заменить в названии слово “советологические” концепции на “социологические” с учетом профиля института» (**И:** Мягков 2010: 6).

Завершились его аспирантские годы в Москве, он вернулся в Иваново и через месяц после защиты приступил к работе на своем прежнем месте — кафедре научного коммунизма в Сельхозинституте.

Мягков полагал, что вернется из суетной Москвы в тихое и спокойное Иваново, но это было заблуждением. Во-первых, он оказался в тяжелой психологической атмосфере: интриги, постоянные «проработки» на всех уровнях, высокомерие, несправедливость. Во-вторых, встретился с полной профессиональной невостребованностью: никакая социология никому не была нужна. Всех мучили «общественной работой», она была тогда главным критерием оценки профессиональной деятельности любого преподавателя.

Не будучи членом партии, а к тому времени уже и комсомольцем, он открыто начал возражать и возмущаться против этих порядков, отказываться от бесчисленных «нагрузок» и поручений. Сначала декан на каком-то из партсобраний назвал его фамилию и заявил: «Такие преподаватели нам не нужны». В 1984 году один из областных партийных чиновников в его присутствии абсолютно серьезно обсуждал по телефону с ректором института, в котором он работал, возможность подготовки официального письма в ВАК с ходатайством о лишении его ученой степени кандидата наук за то, что он «не любит партию». Ему запретили читать лекции студентам и надолго заблокировали избрание на должность доцента. Свое первое ученое звание он получил лишь через пять лет после защиты диссертации.

Но от одного общественного поручения он не стал отказываться и выполнял его с удовольствием и интересом. Это было в начале 1986 г. Сменилось руководство вуза, в институте заговорили о необходимости изучения и учета общественного мнения преподавателей и студентов и о создании социологического Центра ИЭИ. Сначала Мягкову поручили заняться организационными вопросами, а затем и возглавить работу Центра.

Начинали с внутривузовских исследований, но с 1987 г. стали работать и во «внешней среде», т. е. в городе и области: с промышленными предприятиями, редакциями областных газет, радио и телевидения, затем с органами городского и областного управления.

За три перестроечных года им было опубликовано свыше 50 больших социологических материалов (объемом до обычной газетной полосы) на разные темы во многих ивановских газетах и журналах. В те годы Центр был единственной в Иваново организацией, проводившей подобные опросы населения.

В конце 1990 г. пришло время для проведения электоральных исследований и прогнозирования исхода голосований. Выборы мэра г. Иваново в 1990 г. стали для них первой серьезной проверкой на профессионализм. Прогноз, к всеобщей радости, оказался удачным и на редкость точным. К рекомендациям Центра стали прислушиваться, а прогнозам — доверять.

Хотя Социологический центр имел общеинститутский статус, фактически он существовал при кафедре научного коммунизма. Однако под влиянием деятельности Центра начала меняться и кафедра. В 1989 году она была переименована в кафедру теории социализма и социологии, а в 1990 г. — в кафедру политологии и социологии.

В процессе анализа материалов опросов, при проведении методических исследований у Мягкова постепенно возник особый интерес к диагностике и профилактике неискренних ответов респондентов. Полувекковая разработка этой классической проблематики американскими методистами давала массу ярких примеров опасности «ошибок сообщения» респондентов. Поиски Мягкова в этом направлении стимулировала и небольшая брошюра московских коллег «Измерение искренности респондента» (Давыдов, Давыдова 1992). Он не уходил в докторантуру, не брал творческий отпуск, до дня защиты в полном объеме выполнял обязанности заведующего социологической кафедры; докторская выростала из всей совокупности сделанного им.

В сюжете о Батыгине отмечалось, что он достаточно быстро стал лидером своего поколения, но, несмотря на это, всегда активно помогал коллегам, начинавшим свой путь в социологии. Об этом упоминает в своем интервью и Мягков.

Работа над докторской диссертацией была завершена в ноябре 2001 г., и в начале декабря он приехал к Батыгину. Привез статью для «Социологического журнала», а заодно решил посоветоваться по диссертации и прозондировать возможность защиты в совете ИС РАН. К тому моменту они немного знали друг друга, познакомились еще в начале 1980-х гг. Мягков был тогда начинающим аспирантом, а Батыгин — заметной фигурой в журнале «Социологические исследования». Затем они периодически встречались в Ленинской библиотеке.

Мягкова, приехавшего с текстом докторской диссертации, поразили теплота приема и непринужденность общения Батыгина. «Вот это тот самый Мягков», — сказал Батыгин, представляя его сотрудникам своего сектора и журнала. Мягков выложил на стол план диссертации, список своих трудов, рукопись монографии, двумя часами ранее сданную в издательство «Флинта, Наука», и рассказал о своих планах на подготовку защиты. На его просьбу выступить в роли научного консультанта по диссертации Батыгин ответил: «Зачем же консультантом, я мог бы пригодиться Вам в качестве официального оппонента. Это гораздо важнее» (И: Мягков 2010: 10).

С этого времени их общение стало регулярным, часто обменивались звонками или и-мейлами. Вместе работали над международным проектом по изучению молодежных девиаций, задуманным Г. С. Батыгиным совместно с социологами Швейцарской академии социального развития, а затем в Иваново обсуждали результаты исследований. Вместе ходили по ивановским «коридорам власти» и различным общественным организациям, продвигая общий проект, а потом готовили и проводили международную конференцию «Будущее российской молодежи» в конце мая 2003 г.

В конце декабря 2002 г. успешно прошла предзащита. Через некоторое время Мягков привез Батыгину отпечатанный автореферат, он, мельком взглянув на впечатанную дату защиты, заметил: «А вот это вы зря!» — «А что, — удивленно спросил я, — разве что-то еще может произойти?» — «Может... — ответил он, — ...может быть все что угодно, даже

самое непредвиденное... нужно быть готовым к любым неожиданностям». Конечно, никто не мог предвидеть случившегося вскоре: 1 июня 2003 г. Батыгина не стало... Совет, назначенный на 4 июня, отложили, были походы. Защита состоялась двумя неделями позже (И: Мягков 2010: 11).

Николай Владимирович Ядов — «потомственный» социолог. О его отце, Владимире Александровиче Ядове, многое сказано в этой книге, но и его матерью — Люцией (Людмилой) Николаевной Лесохиной (1928–1992), доктором психологических наук, — многое сделано для становления в СССР социологии образования.

Биографический сюжет № 18. Н. В. Ядов

О своем выборе профессии Н. Ядов сказал: «У меня вариантов было два. Я выбирал между психологией и историей. Философский факультет особенно не рассматривался. Мне он казался слишком идеологизированным... А дальше все довольно просто. Аттестат у меня был так себе, а на исторический факультет был чуть ли не самый большой конкурс в университете. К тому же я, конечно, имел представление о психологии и социологии. Это было близко просто по жизни семьи. Мне, правда, всегда было более интересно то, что происходит в обществе, а не в голове отдельного индивида, но факультета социологии тогда не было» (И: Ядов Н. 2009: 12).

Заключив факультет психологии ЛГУ, Ядов многие годы работал в социологической лаборатории Кировского завода в Ленинграде, одной из сильнейших заводских социологических служб города. Свой переход в создававшееся в конце 80-х гг. Северо-Западное отделение ВЦИОМа он объясняет так:

«Я ушел именно потому, что хотел работать в области исследований общественного мнения. Это, конечно, звучит громко, но я считал, что открытые опросы общественного мнения — верный признак демократического государства, тем более что о маркетинге тогда никто не слышал. Нужно вспомнить атмосферу того периода. Всю свою сознательную жизнь я читал и слышал в СМИ, что “весь народ в едином порыве” и проч. А в своем окружении никакого порыва не обнаруживал. И тут появлялась возможность понять, какова ситуация на самом деле. Так что интерес был совершенно не академический» (Там же: 16).

В 1989 году он защитил кандидатскую диссертацию по психологии и сразу после этого возглавил Северо-Западное отделение ВЦИОМа, затем преобразовал его в независимую российско-финскую фирму по изучению общественного мнения и рынка. Поэтому одной из центральных тем нашей беседы стал комплекс вопросов по организации деятельности нового типа полстерской службы.

На первых порах никаких особых трудностей не было, формировали сеть интервьюеров на Северо-Западе. По словам Ядова, отношение людей, включая местные власти, к опросам было очень благожелатель-

ное. Лишь иногда приходилось получать разрешения на опрос у местных партийных или милицейских начальников. Опросы проводились один раз в месяц. Общение с респондентами ничего кроме удовольствия не вызывало. Приглашали попить чайку и проч. Нельзя сказать, что это удивляло полстеров. Людей впервые в жизни спрашивали об их мнении, и интервьюеры были в их глазах представителями государства. У Ядова осталось впечатление, что в те годы отказов практически не было, во всяком случае, в сравнении с тем, что стали наблюдать позже.

Профессиональных организаторов опросов (или бригадиров) в селах и малых городах, конечно, не было и быть не могло. Но среди местной интеллигенции находились люди, готовые помогать; как правило, это были учителя. Платили бригадирам по тем временам довольно неплохо, правда, покупать было особенно нечего. Вот общее впечатление Ядова от работы в тот период: «Конечно, не все было гладко, но в памяти остается общий эмоциональный настрой. Было ощущение, что мы делаем хорошее дело, и в целом все это было интересно. А, кроме того, во время и после путча 91-го года у меня, я помню, появилась уверенность, что вокруг нас граждане страны, а не население, как, например, сейчас» (Там же: 16).

Но наступил 1993 год, государственное финансирование практически прекратилось. Руководство ВЦИОМа не гарантировало постоянный объем заказов, последовала команда: «Спасайся, кто может!» Мысли Ядова тогда концентрировались на финансовой стороне их деятельности. Цены начали опускаться, потихоньку формировался рынок, но никто в этих условиях работать не умел. Опрашивать они уже научились, а независимую финансовую и хозяйственную деятельность вести не умели. Однако среди сотрудников был Станислав Валерьянович Дукальский, в прошлом — военный финансист. Это было огромное везение; ведь бухгалтеров фактически не было, одна тысячная от потребностей экономики. Работал и молодой сотрудник Алексей Кротов, начинавший интервьюером. Он первым сообразил, что пора заняться собственными проектами, а не только делать «московские поля». Они потихоньку начали проводить маркетинговые опросы и постепенно дошли до простой мысли: уметь хорошо сделать — это меньше половины дела, главное — продать результаты.

Первые лет пять они в основном собирали данные для ВЦИОМа и других исследовательских центров, тематика была почти исключительно общественно-политическая. Развивались мелкие кооперативы, крупные предприятия еле дышали, кроме того, потенциальные заказчики не знали, что они заказчики. Зато стали появляться некоторые западные компании, задумывавшие что-то продавать России.

Первое исследование, которое они сделали от анкеты до таблицы, было проведено зимой 1993–1994 гг. Заказчиком выступила финская компания «Fazer», известная тогда в России лишь своими плитками шоколада. Тема была классическая: имидж марки. Проект оказался историческим для питерских исследователей, они плохо представляли сроки обработки и, чтобы успеть в срок, работали сутками, ночевали

на работе. Тогда сформировался костяк коллектива, почти не изменившийся в течение последующего десятилетия.

В 1994 году вторая по размеру финская маркетинговая компания «Талоустуткимус ОЙ» (сокращенно «ТОЙ») искала партнера в России. Насколько запомнил Ядов, возглавляемую им компанию финнам рекомендовал А. А. Ослон. Первая встреча состоялась в Таллине, потом — в Хельсинки и в Петербурге. В итоге была образована совместная компания «Той-Опинион». Финские коллеги помогли им усвоить некоторые базовые принципы коммерческих исследований. Советская академическая наука, по большому счету, не считала ни времени, ни денег.

С 1994 года доля маркетинговых исследований в портфеле «Той-Опинион» медленно росла; практически все они заказывались иностранными производителями товаров первой необходимости. После кризиса 1998 г. начала резко увеличиваться доля российских заказчиков при почти полном отсутствии иностранцев; начали появляться проекты под дорогие товары, например автомобили.

Приведенные воспоминания Илле, Ильина, Мягкова и Н. Ядова представляются чрезвычайно важными не только для изучения жизненных и профессиональных траекторий представителей четвертого поколения советских/российских социологов. Они показывают, как в постперестроечный период расширилось поле деятельности социологов, как они осваивали электоральные опросы и процедуры прогнозирования итогов выборов, как учились измерять отношение разных групп населения к происходившим в стране социальным и политическим преобразованиям, как осваивали методологию и приемы изучения рынка. Ильин и Мягков представили варианты того, как это происходило в небольших городах — Иваново и Сыктывкаре — там, где до перестройки фактически не проводились социологические исследования и где опросы были безусловным знаком времени. Воспоминания Илле и Н. Ядова относятся к Ленинграду/Петербургу, где зарождалась постхрущёвская социология и где существовала продолжительная традиция опросов населения, в том числе изучения общественного мнения. При всем различии того, что обнаруживается в рассказанном ими, их объединяет то, что зондажи политических, социальных, потребительских установок, которые они проводили, в основном осуществлялись ими на локальном уровне: город и область.

Содержание интервью с Александром Анатольевичем Ослоном (И: Ослон 2010) позволяет узнать и понять, как зарождалась и реализовывалась идея создания Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) — организации, многие годы осуществляющей общероссийские опросы.

ство социальных отношений. Невозможность подобного индивидуализирует «неотвратимость», и у каждого она своя.

Драматическая социология

Осуществленное А. Н. Алексеевым в 1980–1988 гг. исследование невозможно отсечь от его биографии, и, наоборот, многие важнейшие события его жизни стали предметом его собственного социологического анализа и содержанием опубликованной им тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (Алексеев 2003, 2005). Небольшой тираж четырехтомника (400 экземпляров) делает круг людей, имеющих его на своих полках, крайне узким; но его потенциальная читательская аудитория огромна: все четыре тома этого труда выложены в Интернете.

В начале 1980-х гг. ряд обстоятельств личного и общественного характера привели Алексеева, в прошлом успешного журналиста, сложившегося социолога, кандидата наук, сотрудника академического социологического института, на один из крупных ленинградских заводов. Это не был вынужденный акт, скорее — собственная инициатива. Став наладчиком и оператором координатно-револьверного пресса, позволившего производить на листовых деталях высокоточные дыропробивные работы, он в течение восьми с половиной лет наблюдал различные формы взаимоотношений в производственном процессе и общественной жизни на заводе. Многие из увиденного — прочувствованного — осознанного стало ядром его повествования.

Исходно наблюдаемая Алексеевым социальная реальность включала собственно производственные процессы и межличностные коллизии внутрицехового и общезаводского масштаба. Анализируя эти взаимоотношения, социологу-рабочему удалось «подсмотреть» множество форм поведения рабочих, противоречивших стереотипным представлениям о «социалистическом отношении к труду»: разрешенные и отчасти даже поощряемые руководством нарушения трудового законодательства; пьянки «с умом» на рабочем месте; «халтура» по-рабочему, т. е. не плохая работа, а, наоборот, сделанная при минимуме трудозатрат и выгодная себе и производству; «партизанщина» — самовольное нарушение технологии; искусственное сдерживание роста производительности труда; и многое другое.

К началу 1980-х гг. подавляющая часть выявленного Алексеевым была хорошо известна «работягам», не было это все тайной и для большинства заводских социологов. Однако «лукавая» отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировали, а массовые опросы не фиксировали тщательно оберегаемые от внешнего наблюдателя стороны жизнедеятельности производственных коллективов. К тому же широкое обсуждение негативных аспектов организации

труда рабочих — «ведущей силы» советского общества — грозило исследователям массой неприятностей. В полной мере их испытал на себе и Алексеев.

Поначалу то, что им делалось, относилось к социологии труда, но через пару лет предмет его исследований заметно расширился, хотя он не стремился к подобному разрастанию проекта. Как говорится, в один прекрасный день на квартире Алексеева был произведен обыск в связи с уголовным делом, к которому он не имел никакого отношения. Милиция вскоре признала «ошибку», но все дневники, письма, материалы наблюдений владельцу не были возвращены — их передали в органы госбезопасности. Начались встречи с сотрудниками КГБ и их беседы с его друзьями и знакомыми, у которых пытались найти подтверждения его антигосударственной деятельности. Через три месяца часть отобранного вернули, но отказали в возврате нескольких научных сборников с грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц рабочих материалов. Вслед за обыском «случайно» произошел взлом квартиры, но ничего из того, что обычно представляет интерес для воров, не пропало. На заявление потерпевшего был дан ответ: все совершенно тринадцатилетним хулиганом, слишком юным для предъявления ему обвинения.

Жизнь и далее активно «помогала» Алексееву, открывая перед ним бесконечные возможности для наблюдений и обобщений. О них он и мечтать не мог, не то что планировать. По представлению КГБ завод начал процедуру его исключения из КПСС, в которой он к тому времени состоял почти четверть века. Его обвиняли в пренебрежительном отношении к советской науке, рабочему классу, в проведении социологических исследований политически вредного характера и распространении клеветнических материалов на советскую действительность. Вскоре его исключили из партии. Далее свои ряды от него «очистили» Союз журналистов, членом которого Алексеев был свыше двух десятилетий, и два других профессиональных объединения: Советская социологическая ассоциация и Всероссийское театральное общество.

Так исследование, исходно сфокусированное на анализе маленькой клеточки социального организма (первичный трудовой коллектив), постепенно включило наблюдение за крупными *системными* образованиями и поднялось до уровня изучения человека в системе «социалистических общественных отношений».

Краеугольным элементом методологии Алексеева, позволившей ему обнаружить и описать недоступное другим социологам, стала введенная им новая разновидность социологического метода наблюдения. Традиционно выделяют включенное, или участвующее, наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую позицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новшество

Алексеева — *наблюдающее участие*, предполагающее изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования». В этом случае наблюдатель становится активным участником происходящего и познаваемого, решая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретном явлении или процессе раскрываются, проступают те стороны, свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так, по Алексееву, заурядное становится *моделью* общего (Алексеев 2003, т. 1: 179).

Эта «процедурная» добавка, точнее социологическое действие, превратила участвующее *наблюдение* в *наблюдающее участие* и принципиально изменила логику исследования. На смену наблюдению с целью познания пришло познание через действие, или познание действенным. Социолог выступает уже не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы». Отсюда и возник термин, которым Алексеев характеризует свой подход, — *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*.

Можно предположить и несколько иную интерпретацию природы метода Алексеева и результатов его социально-научного эксперимента. Он смог выйти за рамки традиционного для 1980-х гг. видения советской социологией механизмов функционирования трудовых коллективов, особенностей образа жизни некоторых групп населения и деятельности ряда властных институтов. Поэтому его социология сразу стала *драматической*. В новом для того времени семантическом пространстве слабо действовали наработанные советскими социологами приемы анализа социальной информации, возникла потребность в выработке новых способов прочтения и описания наблюдаемого. Так появилась потребность в ауторефлексии.

Помимо нетривиального общетеоретического и методолого-методического содержания, «Драматическая социология» привлекает внимание своей гражданственностью, более точно — поисками социальной роли социолога. При этом автор избегает использования термина «эксперимент на себе», считая, что это звучит слишком красиво, но именно этот термин адекватно передает его исследовательский метод. И. С. Кон в письме Алексееву (автор письма прислал мне копию) справедливо заметил: «Люди предпочитают анализировать не свои, а чужие страдания, так что подражать Вам мало кто захочет»⁵.

⁵ Электронное письмо И. С. Кона А. Н. Алексееву от 22 июля 2009 г.

и уменьшение площадей указанных «белых пятен». И этот процесс нельзя затягивать, откладывая на «потом». Уходят свидетели полувекowego процесса развития советской/российской науки, и многое из еще сохраняющегося вскоре может исчезнуть навсегда.

И все же проблема есть

Очертить предметную направленность исследований советских социологов, оценить состояние методического арсенала и значение полученных ими результатов помогают прежде всего именно опубликованные книги, статьи, сборники тезисов. Но ясно и то, что существовало множество объективных и субъективных, внешних и внутринаучных, локальных и повсеместно проявлявшихся обстоятельств, препятствовавших публикации сделанного, адекватному изложению полученных исследователями фактов и выводов. В главе 3 приведено воспоминание Л. Н. Когана о том, что в силу давления на социологов местного партийного руководства и дирекции предприятий, на которых проводились опросы, ученые не смогли включить в книгу многие «компрометировавшие» завод цифры, а значит, — и соответствующие выводы.

Т. И. Заславская считает попросту «стертыми» три года своей жизни. В 1959–1961 годах она вместе с коллегой разрабатывали методику сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Получалось, что в конце 1950-х гг. производительность сельскохозяйственного труда в США была выше, чем в СССР, в среднем в 4–5 раз, но незадолго до окончания их работы Н. С. Хрущёв с трибуны партийного съезда заявил, что разница составляет «в среднем в 3 раза». Отдел науки ЦК КПСС немедленно распорядился вернуть в институт, поместить в сейф и опечатать уже разосланные экземпляры доклада; более того, у них отобрали даже все расчетные материалы. О публикации почти готовой монографии и думать не приходилось. Она радовалась тому, что их не уволили, не понизили в должности и не дали партийных или административных выговоров (**И:** Заславская 2007б: 147).

Интересна история публикации монографии «Человек и его работа», с которой во многом началось становление постхрущёвской российской социологии. По воспоминаниям В. А. Ядова, при ее подготовке издательство «Мысль» запросило официальную рецензию у Н. И. Лапина. Он ничего не сказал Здравомыслову и Ядову, а сами они узнали об этом лишь после выхода в свет в 2003 г. книги «Человек и его работа в СССР и после» (Здравомыслов, Ядов 2003). В обновленном издании они восстановили главу о советских и американских рабочих и пояснили, что цензура изъяла ее в первом издании. Они подарили новую книгу Лапину, и вскоре он звонит и говорит: «Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась

принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу» (И: Ядов 2005а: 3–4).

Теперь опишу этот же сюжет в изложении Н. И. Лапина. В 1965 году директор издательства «Мысль» попросил его дать внутреннюю рецензию на рукопись «Человек и его работа», поскольку поступила авторитетная внешняя рецензия, в которой выражались большие сомнения в целесообразности публикации данной монографии в представленном виде. Лапин поддержал ее издание, предложив снять только одну, последнюю главу, в которой авторы полемически сопоставляли свою позицию с позицией одного из американских социологов и которая вызвала наибольшие возражения рецензента и сомнения директора издательства. Авторы согласились, и рукопись была опубликована (И: Лапин 2007: 149).

Еще одну историю, относящуюся к концу 1960-х гг., напомнил А. Г. Здравомыслов (И: Здравомыслов 2006а: 5). Отдел пропаганды ЦК КПСС включил его в группу по изучению идеологической работы в Ленинграде и Пензе. Были получены уникальные данные о состоянии массового политического сознания, которое сильно модифицировалось в зависимости от профессии респондентов. Главные выводы исследования были сформулированы в ротاپринтном издании «Пропаганда и ее восприятие. Социологическое исследование эффективности» (Здравомыслов 1969в). Суть их состояла в следующем. Во-первых, уровень пропаганды был явно занижен в сравнении с уровнем развития массового сознания. Во-вторых, автору удалось выделить четыре типа сознания, обозначенных им как «неразвитое», «стереотипизированное», «скрытое» и «критическое». Работа была издана тиражом 100 экземпляров, и каждый из них пронумеровали. На титуле значились три организации: Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, Советская социологическая ассоциация и Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Через несколько дней после того, как Здравомыслов получил авторский экземпляр, ему позвонил ответственный партийный работник из аппарата ЦК и сообщил, что все экземпляры книги должны быть собраны и сданы в первый (секретный) отдел. Тираж подлежит уничтожению. На его вопросы объяснений не последовало. За время, которое прошло между поступлением тиража и звонком, Здравомыслов успел послать один экземпляр с небольшой припиской секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву. Через некоторое время инструктор горкома партии пригласил его к себе и разъяснил, что этим поступком он выразил недоверие партийному аппарату.

В серии исследовательских вопросов истории науковедческого плана, порождаемых приведенными и схожими историями, возникает и такой: «В какой мере опубликованные работы отражают множество

проблем, изучавшихся социологами в предперестроечные годы, и характер научных выводов?» В электронной переписке с Н. И. Лапиным я привел названия ряда изданий, которые вышли в свет через много лет после того, как они были написаны, и заметил: «Эти и подобные примеры, не говоря о самоцензуре, дают возможность предположить, что анализ советских социологических публикаций не позволяет историкам науки сейчас, а тем более в будущем, сделать обоснованный вывод о результатах исследований советских социологов в конце 1960-х — начале 1980-х годов. Что Вы думаете по этому поводу?» Лапин отметил, что приведенный мной перечень фактов можно продолжить, но все же сказал, что мои опасения сильно преувеличены. Вместе с тем, по его мнению, проблема соотношения опубликованного и не увидевшего свет существует и ее решение требует интенсивной работы, в том числе кандидатских и докторских исследований, проводимых в центре и регионах (**И**: Лапин 2007: 162).

Тема соотношения ставшего гласным, «приторможенного» и «замороженного» обсуждалась и с Т. И. Заславской. Исследовательские вопросы звучали так: «В какой мере вообще историки могут на основании опубликованных работ судить о развитии, направленности, размахе советской социологии? Вам удалось опубликовать основные результаты своих исследований?»

Приведу ответ Заславской полностью.

Тот факт, что опубликованные и неопубликованные результаты — вещи существенно разные, очевиден. И догадаться о том, что именно было сделано, но погребено в архивах КГБ, невозможно. Но вот интересный момент. Когда нам с Аганбегяном давали выговор на обкоме КПСС за семинар и «Манифест», одним из докладчиков был главный цензор Новосибирской области Ващенко. Его доклад базировался на огромном количестве вырезок из материалов, представлявших журнал Аганбегяна «ЭКО» и не допущенных бдительной цензурой к публикации. Генеральная идея выступления Ващенко заключалась в том, что журнал «ЭКО» — антисоветское издание, по существу, каждый его номер содержит недопустимые утверждения и ЛИТО вынуждено постоянно «стучать ножницами», искореняя крамолу. Вывод же был простым — закрыть журнал. Я вспомнила об этом потому, что ведь у Ващенко-то эти материалы остались. И, возможно, в каждом городском или областном цензурном комитете хранятся различные вырезки, представляющие интерес для историков науки.

Когда в 1970 г. мы представили в ЛИТО книгу о миграции сельского населения, цензор потребовал исключить главу о миграции молодежи. А ведь в этом была вся суть, уезжала-то, главным образом, молодежь. Было безумно обидно... в конце концов мы большую часть данных все же распахали по другим главам. Но в результате исчез «эффект букета», и для читателя проблема как таковая исчезла, можно было увидеть лишь ее отдельные аспекты.

И все же основные результаты нашей работы были опубликованы, пусть и с определенной задержкой. Категорически не проходили скорей отдельные соображения, разделы, редко — целые главы. Мы научились обманывать цензуру, облекая свои мысли в такую форму, что умному читателю они были понятны. Стремясь уйти от цензуры, мы значительную часть работ выпускали в форме препринтов (тиражом до 100 экз.), для этого достаточно было визы директора института. Но их могло прочесть только близкое научное окружение, и это больше всего препятствовало распространению наших идей.

Конечно, если художественные произведения не стареют, то научные — стареют. Тем не менее они и представляют определенный исторический интерес. Вот, например, в 1958–1959 гг. я начала генеральный пересмотр своих взглядов на сущность тогдашней советской системы. Я не могла признать ее социалистической, но тогда какой она была? Читая работы Ленина начала 1920-х гг., я склонялась к ее идентификации с госкапитализмом, приводила разные аргументы, сама с собою спорила. И вот эти выписки и собственные соображения у меня остались. Сейчас мы не можем спуститься в 1958 г. и вспомнить, какие именно «за» и «против» боролись в то время в нашем сознании, во что еще верилось, а во что уже нет; понять это можно лишь из документов того времени (И: Заславская 2007б: 155–156).

В нашей беседе с Заславской я сказал, что если бы текст доклада, позже ставшего известным как «Новосибирский манифест», не «уплыл» на Запад, то его, скорее всего, постигла бы судьба ее раннего исследования о производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США, и он не сыграл бы никакой роли ни в ее жизни, ни в жизни страны, ни в развитии социологии и лишь через много лет историки советской социологии обнаружили бы его в архивах КГБ или в других хранилищах. Заславская комментировала кратко и определенно: «Абсолютно правильно. Конечно» (Там же: 155).

Для понимания механизмов развития социологии важны не только поиск неопубликованных материалов, их оценка и, возможно, публикация с комментариями специалистов — представляется целесообразным рассмотрение и неких, скажем, фоновых обстоятельств, в которых все это происходило. Прежде всего, надо говорить о восприятии властными структурами уже опубликованного, о характере санкций, предпринимавшихся властью против работ, которые их не устраивали, и против их авторов. В воспоминаниях Заславской упоминается партийный разговор, полученный ею и А. Г. Аганбегяном за семинар и «Манифест».

В ряде книг по истории социологии приводится сюжет, связанный с критикой «Лекций по социологии» (Левада 1969) и жестким наказанием их автора Ю. А. Левады. Это было в конце 60-х гг. Позже Левада называл свой курс примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было отчетливое стремление автора

показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества. Последующие события, которые теперь стали далекой историей, показали, что ни эти утверждения Левады, ни ряд методических недочетов, ни несколько двусмысленных фраз не могли бы сами по себе стать предметом резкого осуждения «Лекций» и расправы с их автором. Просто время не стояло на месте, и идеологи старой закалки, вынужденные в период «оттепели» «припудрить» свои идеологические воззрения и приглушить карьерные амбиции, больше не могли и не хотели ждать.

Фраза о том, что личность в обществе подвергается разного рода давлению со стороны власти и массового общества и что ее пытаются задавить танками, сказанная задолго до «Пражской весны» и пропущенная цензурой, в 1969 г. была интерпретирована как осуждение ввода советских войск в Прагу. В сравнении почти тождественных высказываний Гитлера и Сталина о том, что человек — ничто, а массы — все, нашли идеологическую ошибку. Разразился скандал, поднялась волна злобной критики, статьи в «Правде» и «Коммунисте», главных печатных органах партии, обсуждения (осуждения) в партийных школах. Главная вина — отступление от марксизма, преклонение перед буржуазной социологией. Потом были обсуждение в ИКСИ, уход из университета, выговор по партийной линии, запрет на публикации. Социологический фольклор конца 1960-х гг. включал и такую частушку: «Ой, не надо, ой, не надо нам рубить-то сгоряча, не расстреляли бы Леваду, да к столетию Ильича» (И: Лисовский 2000).

Ненадолго Леваду оставили в покое, но летом 1972 г. к руководству ИКСИ пришел М. Н. Руткевич. По мнению Левады, в то время Руткевич имел и славу, и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Леваде стало ясно, что им не жить в одном Институте, надо уходить. Он знал о настроениях, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думает уйти. Руткевич «улыбнулся своей кривой улыбочкой (есть у него такая бесподобная) и сказал: “А я об этом давно договорился с Федосеевым”» (И: Левада 2008: 155).

Во влиятельных партийных и научно-бюрократических кругах за Левадой закрепилась слава злодея, и потому найти новое место работы ему было нелегко. В конце концов друзья помогли ему устроиться на скромную должность старшего научного сотрудника в Центральный экономико-математический институт АН СССР. Так, «сам по себе», он работал 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития. У него не было аспирантов, его не публиковали, он не мог преподавать и выезжать за рубеж. Он был обречен молчать.

традиционно российской формы жизни» новыми формами, которые «в современном мире связываются с понятием евроамериканской цивилизации». На смену рабу и холопу придет свободная личность. Россия отойдет не только от идеологии и практики коммунизма, но от русизма как такового. Произойдут коренные изменения в натуре российского народа, в его менталитете (Грушин 2001: 11–12). Таким образом, «четверокнижие» Грушина — это не только итог его почти полувекового теоретико-эмпирического изучения менталитета россиян, но одновременно — программа и инструмент мониторинга массового сознания населения меняющейся России.

Озабоченность сохранением прошлого

В методологическом плане этот раздел соотносится с темой толстого настоящего (см. гл. 2, раздел «Биография и судьба»), в предметном — с рассмотрением еще одного аспекта проблемы обеспечения правдивости, полноты истории советской/российской социологии. Речь пойдет об обеспечении доступа к результатам ранее проведенных исследований.

Рассматривая мой небогатый домашний архив результатов опросов, опубликованных советскими газетами во второй половине 80-х — начале 90-х гг., а также малотиражных брошюр и регулярных изданий того времени, отчетливо понимаешь, что казавшееся тогда отчасти проходным, отчасти очевидным за два десятилетия приобрело иное значение. Эти документы рассказывают о том, каким было массовое сознание советских людей в момент их расставания с привычным, знакомым, ставшим родным, и об их встрече с неизвестным, неизведанным и пугающе чужим. За спиной были семь трудных, драматичных десятилетий жизни, выработавших в людях понимание окружавшего их мира и некоторую уверенность в завтрашнем дне. И вдруг все стало меняться, зашаталось казавшееся незыблемым и стали проступать черты социальной системы и социальных отношений, к которым десятилетиями формировалось негативное отношение населения.

В начале второй половины 80-х гг. ряд социологов, прежде всего третьего поколения, начали создавать коммерческие независимые организации и приступили к изучению установок населения относительно всего комплекса политических, экономических и социальных трансформаций, происходивших в Советском Союзе. По заказам властных структур, нарождавшихся политических и бизнес-организаций они проводили всесоюзные (несколько позже — всероссийские) и локальные опросы, писали отчеты; некоторые активно публиковали отдельные результаты в центральной и местной печати. Подавляющее большинство руководителей этих новых исследовательских фирм имели немалый

опыт работы в академических организациях, и потому опросы и анализ собранной информации осуществлялись ими на уровне, отвечавшем методическим эталонам советской социологии того времени.

Однако по разным причинам многое из полученного социологами в те годы не нашло отражения в монографических публикациях. С одной стороны, это произошло вследствие серьезных объективных обстоятельств: разрушился складывавшийся десятилетиями порядок планирования и подготовки книг, крайне сложно было найти деньги для издания, постоянные изменения в обществе и государстве не располагали к серьезной обобщающей работе. Но были и субъективные моменты: недооценка научной значимости результатов собственных поисков и слабость установки на углубленный анализ собранной информации. Следует учитывать и крайне бедное в те годы финансирование научной работы. Все это обернулось тем, что по всем историческим канонам недавнее, хранящееся в памяти нескольких живущих поколений, стало для социологии сложно восстановимым прошлым. Фактически это стало причиной возникновения своего рода разрыва в развитии отечественной социологии.

На этом фоне ярко выделяется деятельность Ф. Э. Шереги по сохранению прошлого, увязыванию в нечто единое результатов собственных многолетних исследований и ознакомлению молодых социологов с работами представителей старших поколений. Выше отмечалось, что кандидатское исследование Шереги, защищенное им в 1976 г., было сконцентрировано на рассмотрении ряда проблем проектирования выборки. В те же годы он целенаправленно изучал методический арсенал российской социологии в 20–30-х гг. В его статье, суммирующей некоторые итоги исследования этой темы (Шереги 1978), была приведена библиография, включавшая около 90 наименований публикаций тех лет, ко многим из которых на протяжении предыдущего полувека никто не обращался.

Сейчас в рамках историко-научоведческого анализа мне представляется необходимым зафиксировать два обстоятельства. Во-первых, раскрытие диссертационной проблематики, вообще говоря, по тем временам не делало однозначным обращение к методологическому опыту довоенных советских социологов, скорее диссертанты ориентировались на демонстрацию знакомства с достижениями западной социологии. Во-вторых, даже доведя до публикации результаты своих историко-методических поисков и переклочившись на проведение прикладных исследований по актуальной тематике, Шереги сохранил интерес к изучению прошлого и нашел путь к «приближению» этого прошлого, включения его в настоящее. Сверхзадачей было введение результатов социологических исследований, полученных социологами разных поколений, в учебную литературу и монографии, предназначавшиеся для студентов и преподавателей.

С этой целью им был задуман и осуществлен уникальный проект по переизданию книг советских социологов, опубликованных десятилетия назад, но оставшихся интересными для современного специалиста и ставших значимыми для понимания развития отечественной социологии.

Так, в 2006 году Шереги, который к тому времени уже многие годы возглавлял созданную им социологическую и маркетинговую фирму «Центр социального прогнозирования» (ЦСП), переиздал работы В. Э. Шляпентоха, объединив «слегка» отредактированные монографии этого автора, изданные в 70-х гг. в СССР (Шляпентох 2006). Эти книги были в высшей степени полезными в период становления советской социологии, они вводили читателя в слабо освещенные в те годы вопросы конструирования анкет, выборки, правил интерпретации эмпирической информации. Но в конце 70-х гг., после его эмиграции в США, эти работы не вносились в списки рекомендовавшей студентам литературы, не цитировались в новых книгах, редко упоминались в обзорах по тем направлениям социологии, в разработке которых участвовал и Шляпентох. Его имя вернулось в российскую социологию лишь после рестройки. Переиздание работ Шляпентоха по проблематике качества социальной информации, осуществленное Шереги, позволит новым поколениям социологов познакомиться с приемами повышения достоверности и репрезентативности результатов прикладных исследований, сохранившими свое значение и в настоящее время. Одновременно для новых поколений социологов открывается возможность увидеть, как в 1960–1970-х гг. в советской социологии трактовалась методолого-методическая проблематика.

Тематически и в общенаучном плане близки переизданные Шереги работы В. Н. Шубкина (Шубкин 2010) и Д. Л. Константиновского (Константиновский 2008). С точки зрения принятой классификации направлений социологии это книги по социологии образования, но в более широком плане — о некоторых особенностях формирования социальной структуры советского общества. Шубкин первым в СССР ввел проблему образования школьников в число краеугольных проблем долгосрочного развития важнейших социальных институтов страны, Константиновский — активно и успешно продолжил разработку этого проблемного пласта.

Сегодняшнее обращение к результатам исследований Шубкина, начатым полвека назад, позволяет не только вернуться к обсуждению болевых точек советской образовательной системы, т. е. истоков большей части нынешних российских трудностей, но и узнать многое о процессе становления российской социологии в целом. Шубкин, возможно, ярче, публицистичнее, чем другие, отстаивал самостоятельность социологии как науки; он был одним из пионеров применения количественных методов в социологии. Кроме того, он, скорее всего, был одним из

первых в отечественной социологии, кто попытался связать собственные исследования с тем, что делалось в 1920-х гг. Наконец, Шубкин, явно активнее других представителей первого поколения, содействовал проникновению в социологию «мягких» методов.

Интересно наблюдение В. А. Ядова, которым он поделился в одной из своих публикаций в 2009 г. По его мнению, советскими социологами была достаточно быстро освоена количественная методология, но «качественники» в стране появились лишь после перестройки — что мешало их проникновению в практику социологии. И не только он этого не понимал, но большинство, если не все его поколение социологов. Никак не удавалось более или менее органично совместить макро- и микроанализ и интерпретацию данных. И далее он замечает: «Здесь грешно было бы не сказать о статье В. Н. Шубкина в “Новом мире”, в которой он писал, что социология не способна ни описать, ни объяснить, что происходит с личностью человека в его социуме. Владимир Шубкин писал тогда, что социолог должен использовать приемы журналистики. Я же, будучи адептом “истинной”, то есть позитивистской социологии, выступил с публичной критикой позиции Шубкина, что, впрочем, никак не сказалось на наших дружеских взаимоотношениях» (Ядов 2009:147).

Выше упоминалось, что Константиновский откликнулся на приглашение Шубкина и вошел в социологию, имея значительный стаж работы инженера-аналитика и солидный литературный опыт. Его книга также представляет интерес не только как богатый свод сведений о советской и российской системах образования, но и как объект для историко-научного исследования. Речь идет о проникновении в отечественную социологию математических и качественных методов моделирования социальных процессов.

Тем, кто лишь входит в проблематику социологии семьи, кто занимается ею многие годы и анализирует пути становления этого направления советской/российской социологии, будет интересна переизданная Шереги книга А. Г. Харчева (Харчев 2002) о браке и семье в СССР. Первое издание этой монографии вышло в 1964-м, второе — в 1979 г., но за прошедшие полтора десятка лет она не потеряла своего научного значения.

Впервые книга И. И. Чангли по социологии труда была издана в 1973 г. и касалась ряда обсуждавшихся социологами и идеологами в те годы вопросов коммунистического труда. Многие положения этой работы представляются сегодня архаичными, так как трактуют нечто, далеко отстоящее от современной реальности и от проблем, изучаемых в настоящее время прикладной наукой. Тем не менее эта книга, переизданная Шереги сначала в 2002-м, а потом в 2010 г. (Чангли 2002), может быть полезной не только для истории социологии, но и при проведении широких социолого-политологических исследований,

затрагивающих динамику трудовой этики на разных этапах развития российского общества.

Для изучающих процесс второго рождения советской/российской социологии представляет интерес изданная ЦСП небольшая книга М. Н. Руткевича о развитии социологии в Уральском университете в 1940–1970-х гг (Руткевич 2003). Материалов о становлении социологии вне Москвы, Ленинграда и Новосибирска крайне мало, и воспоминания Руткевича представляются особо значимыми.

Не могу не отметить и того, что в рамках поддержки историко-социологических исследований и ознакомления российских ученых с зарождением технологического опроса общественного мнения Шереги издал две мои книги. В первой рассматривались многие аспекты жизни и деятельности большой плеяды американских полстеров, в 1930–1950-х гг. создавших методический арсенал измерения установок населения и выработавших общие принципы профессиональной этики этих специалистов (Докторов 2006). Во второй предметные и хронологические рамки темы были заметно расширены за счет включения результатов исследований зарождения и развития американской рекламы, в том числе методов измерения ее эффективности (Докторов 2008а). В работе над этими книгами были сформулированы общие подходы изучения истории того или иного направления науки через анализ биографий ученых, находившихся у истоков его становления.

Теперь — о серии книг, отражающих собственные исследования Шереги и демонстрирующих его понимание сути прикладной социологии и необходимости регулярного монографического издания получаемых результатов. Основопологающей для развития этого направления стала изданная еще в 1985 г. под редакцией Шереги и М. К. Горшкова коллективная монография «Как провести социологические исследования» (1985). Через несколько лет она была переиздана, а затем переработана и в 1990 г. вышла уже как учебник для вузов под названием «Основы прикладной социологии» (1996). В 2009 году на базе этой книги было издано учебное пособие для студентов университетов — «Прикладная социология» (2009). Кроме того, с начала 1990-х гг. Шереги, по моим оценкам, опубликовал около двух десятков собственных или написанных им в соавторстве книг по ряду разделов прикладной социологии. Больше всего — по социологии образования и молодежи, включая изучение девиантных групп (наркоситуация в молодежной среде, отношение к ВИЧ-инфицированным, дети с особыми потребностями). Отмечу книги самого Шереги, образующие серию «Прикладные исследования». В нее вошли: «Социология образования» (2001), «Социология права» (2002), «Социология предпринимательства» (2002), «Социология политики» (2003) и др. Все эти книги весьма объемны (от 400 до 700 страниц) и, как правило, на-

правлялись в библиотеки и специализированные кафедры университетов, в которых ведется подготовка социологов, политологов и исследователей рынка, за счет ЦСП.

Основной материал, обсуждаемый в этих книгах, отражает итоги прикладных исследований, проведенных Шереги с начала второй половины 1980-х гг. по середину первого десятилетия нового столетия. Объяснение этому весьма простое: к примеру, предпринимательства раньше легально не существовало; правовая культура населения была крайне низкой; политическая жизнь в стране была локализована в узком социально-идеологическом пространстве и имела весьма ограниченное число форм. Однако и здесь Шереги удалось представить весьма необычный материал (Шереги 2003): отношения различных групп молодежи к ряду съездов ВЛКСМ (1978, 1982 и 1987 гг.); восприятие комсомольцами реформ начала 90-х гг., их видение перспектив существования СССР; степень доверия новым партиям и политическим организациям. Все, что касалось отношения населения к войне в Афганистане, было закрыто. Шереги включил в книгу фрагменты исследования, осуществленного летом 1988 г. среди взрослого населения 13 регионов СССР, включая Белоруссию, Украину, республики Прибалтики и юга страны. Есть и результаты, скорее всего, одного из последних проведенных в стране (ноябрь 1990 г.) опросов об отношении к В. И. Ленину и его наследию.

* * *

Рассмотренные сюжеты и некоторые фрагменты воспоминаний, которые читатель найдет в гл. 11, явно указывают на то, что анализ сделанного и опубликованного советскими социологами непременно должен дополняться изучением сделанного, но не опубликованного. Ведь, во-первых, массив подобных работ значителен по объему, и, во-вторых, можно утверждать, что их содержание отлично от совокупности того, что отражено в публикациях 1960–1980-х гг. Очевидно, что «неопубликование», как правило, было не игрой случая, а следствием существования идеологической цензуры, боязни, испытываемой чиновниками «от науки», «позвоночного права» и прочих элементов повседневной среды, в которой работали и жили социологи.

Есть еще один аспект обсуждаемой нами темы: активно и плодотворно работавшие ученые зачастую не брались за подготовку книг или обстоятельных статей, ибо, исходя из собственного опыта и общения с коллегами, пессимистически оценивали вероятность их публикации. Мне не известны результаты специальных исследований в области издания социологической литературы. Однако, анализируя списки публикаций ученых, которые к началу перестройки имели степень доктора наук, были известны своими исследованиями, успешно

руководили аспирантами и сильными, ими же созданными научными коллективами, легко заметить, что авторских (индивидуальных) книг ими было издано крайне мало. Журнальные статьи тоже были редко: с 1974-го до середины 1980-х гг. в СССР существовал один профессиональный журнал — «Социологические исследования», который вначале (и довольно долго) выходил четыре, а позже — шесть раз в год. Совсем экзотикой были публикации за границей.

Изменения принесла перестройка. Приведу лишь один пример. В ходе интервьюирования Я. И. Гилинского, это было начало 2005 г., я получил десятистраничный список его публикаций за 1990–2004 гг. Первая из них имела № 111, последняя — № 341. За полтора десятилетия им было опубликовано почти две с половиной сотни работ: «толстые» монографии и учебники, а также статьи и главы в коллективных изданиях. Значительная часть текстов вышла в свет за рубежом, и первые буквы названий стран охватывают основную часть алфавита: Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Италия, Литва, Молдавия, Норвегия, США, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Эстония, Япония — и это не все (И: Гилинский 2005: 2).

Андрей Платонов сказал о себе: «Народ без меня не полон», но это и о каждом. Так и написанная история не передаст правды, если в ней нет полноты.

Глава 11

Повседневность

Я заметил одну особенность: тексты, по мере увеличения их объемов, становятся менее управляемыми со стороны автора, они все сильнее сопротивляются ему, более того — подсказывают направления их дальнейшего развития. Ничего удивительного, фантастического в этом нет. Ведь общение автора с текстом большого объема — это продолжительный и сложный процесс. И если начальная фаза создания текста — это сплошной авторский монолог, то постепенно это общение приобретает форму диалога. Завершая работу, авторы часто все более ориентируются на продуманное и написанное ими раньше, т. е. на «подсказки текста», и все менее стремятся к следованию исходному плану.

Настоящая глава — предпоследняя по счету, но последняя, в которой еще есть возможность услышать «советы» текста и воспользоваться ими. Ибо содержание следующей, завершающей главы определено хронологическими рамками повествования.

В начале книги отмечалось, что историко-научное исследование советской/российской социологии, опирающееся на анализ биографической информации, не является альтернативой другим подхо-

дам в изучении прошлого — настоящего отечественной социологии. Оно дополняет институциональный анализ социологии как науки и сопряжено с рассмотрением социологии как процесса смены теоретических представлений об обществе. При этом собственно биографический анализ трактуется как инструмент, позволяющий не только описать жизненные траектории индивидов, но и перейти к обсуждению специфики и характера деятельности поколений ученых.

Исходно предполагалось после изложения путей прихода представителей различных профессионально-возрастных когорт в социологию построить и описать межпоколенные и внутривоколенные коммуникационные сети. Имеющийся эмпирический материал позволяет обозначить методологию подобного поиска применительно к социологическому сообществу в целом и, кроме того, уточнить и проиллюстрировать общую схему применительно к становлению и развитию «ленинградской социологической школы» — в нашем архиве имеется около 30 рассказов ленинградских/петербургских социологов о себе. Однако обращение к содержанию предыдущих глав показало, что значительная часть материалов, раскрывающих механизмы взаимодействия между «старшими» и «младшими», уже отражена в книге.

Тогда показалось целесообразным в плане продолжения уже начатых предметных линий и чрезвычайно важным для понимания прошлого проанализировать отношение ученых — прежде всего представителей первых двух поколений — к прожитым годам и к сделанному. Однако в силу грустного характера итоговых выводов многих социологов от этого «поворота» в развитии содержания книги пришлось отказаться. Пара примеров в подтверждение сказанного приводится ниже. Тем не менее в будущем, после разработки ряда методологических вопросов, необходимо вернуться к рассмотрению данной темы. Проблема заключается в нахождении приемов для соотнесения вполне обоснованных оптимистических заявлений о достижениях советской/российской социологической науки в целом и пессимистических взглядов ученых на сделанное ими.

Попытка примирить написанное с тем, что ранее предполагалось изложить в этой главе, высветила круг вопросов, почти не рассматривавшихся в работах по истории современной отечественной социологии. Речь идет об изучении повседневного мира, в котором ученые существовали, жили и творили.

Методологические замечания

При обсуждении ряда сюжетов слово «повседневность» несколько раз встречалось в этой книге, но никакого акцента на его использовании не было — оно выступало лишь как синоним слов «обычное», «каждо-

дневное». Вместе с тем многое из уже изложенного выше можно рассматривать как анализ обыденности, характерной для всех периодов советской/российской социологии, и интерпретировать в рамках категорий социологии повседневности. Трактовка науки как социального института и выбор в качестве ведущих соответствующие информационные источники и приемы их прочтения, а также естественные для подобного исторического изыскания спектр и масштаб поисковых задач осуществляются в парадигматике, далекой от установок и концепций социологии повседневности. В то же время рассмотрение науки как результата творчества ее создателей, природа главного для данного историко-наукovedческого исследования биографического метода, а также особенности используемой версии интервью создают предпосылки для обращения к опыту, накопленному в рамках изучения различных аспектов, компонентов повседневности. Или можно сказать несколько иначе: биографический метод и то, как анализируются выявленные с его помощью сведения о прошлом, составляют комплекс микроисторий, соотносимых с макро- (т. е. институциональной) историей.

Одна группа микроисторий — это вспоминания индивидов, где, вообще говоря, все конкретно и может быть детализировано до бесконечности. Другая группа образована рассказами о событиях и процессах, оказавшихся важными, знаковыми для отдельных поколений социологов. Ведь это не только полезная для истории науки абстракция, учитывающая сходство жизненных и собственно профессиональных путей людей, принадлежащих к достаточно узкой возрастной когорте, но и реально существующая социально-профессиональная страта целостного социологического сообщества. Возможны типы микроисторий, распространяющиеся и на ряд поколений социологов. К примеру, в наших построениях социологи первого и второго поколения почти «неразличимы» на ранних этапах своей социализации: видны общность практик семейного воспитания, переживания войны и победы, восприятие атмосферы политической «оттепели». Но их различие обнаруживается, когда начинаешь изучать «миры», внутри которых проходили траектории их движения в социологию.

В настоящее время исследователи повседневности изучают как среду, образующую ее, так и широкое множество социальных отношений, или правил взаимодействия, между людьми, складывающихся в ней. Приведенные выше механизмы формирования поколений социологов, выявленные модели вхождения ученых в социологию, обстоятельства рождения идей, которые затем долгие годы разрабатывались ими, и многое другое, по сути, есть описание ключевых для становления советской социологии форм отношений внутри профессионального сообщества. К сожалению, достаточно большой с точки зрения классики этнометодологии массив глубинных интервью и вынужденная сдер-

жанность, скупость при воспроизводстве воспоминаний моих собеседников лишают приводимые рассказы многих важных и ярких деталей, присущих феноменологическим описаниям фрагментов повседневности, тем не менее в них представлено многое о прошлом. Отчасти меня успокаивает то, что все проведенные мной интервью не только опубликованы в журналах, но и собраны воедино и составили второй том моей историко-биографической книги (Докторов 2012).

Во всяком случае, очевидцы, современники тех событий, подтверждают присутствие в воспоминаниях опрошенных черт наблюдавшихся ими явлений и атмосферы времени. Другими словами, в совокупности интервью обнаруживаются важнейшие черты, которые существовали в нарождавшемся социологическом сообществе, практик, правил повседневного (обыденного) взаимодействия, типичных ситуаций, т. е. в них присутствует отражение познаваемой реальности. А именно к этому и стремятся аналитики повседневности.

Направленность книги и стремление учитывать некоторые традиции в описании истории советской/российской социологии удерживают меня от использования многого, что, вообще говоря, заложено в «эго-документах», к которым относят биографии, мемуары, дневники и письма. И дело не только в том, что значительная, возможно большая, часть накопленного не представлена в книге, а скорее в том, что приводимые фрагменты биографических воспоминаний не репрезентируют все содержание собранной информации. Методология социологии повседневности применительно к историческим исследованиям позволяет при анализе деятельности людей обсуждать не только их поведение, но мотивацию, настроение и другие аспекты их восприятия реальности и реакции по поводу происшедшего. В целом я воздерживался от этого, но при рассмотрении ряда сюжетов и эти фрагменты повседневного мира социологического сообщества нашли отражение в данной работе.

Рассмотрение этого аспекта повседневности в известной степени предопределено избранной формой интервью, которое я называю «интервью-диалог». Стремясь получить от человека максимально развернутые ответы о его жизни и работе, я — как в реальном диалоге, когда мне что-либо неясно, — прошу респондента уточнить сказанное (написанное), для чего могу модифицировать или развить мой вопрос. Собеседник тоже свободен в интерпретации текстов вопросов. Но при этом я отдаю себе отчет в том, что наше интервью-диалог в действительности является «*публичным интервью-диалогом*», т. е. все делается с целью публикации, а не хранения в архиве.

Возможно, в тексте книги иногда проявляется моя пристрастность к тем или иным социологам или к изложению тех или иных направлений отечественной социологии. С одной стороны, я стремился минимизировать проявление подобного отношения к героям и предмету своего

изучения, с другой (опять-таки в соответствии с духом ряда подходов этнометодологии) — считаю, что историк, биограф имеет право быть пристрастным.

Несмотря на то что отбор респондентов базировался на четко сформулированных правилах и ряд социологов, особенно среди представителей четвертого поколения, мне не были известны до начала интервью, определенная пристрастность в формировании массива опрошенных, несомненно, присутствовала, особенно на раннем этапе исследования. Остается лишь признать, что от подобного шага невозможно избавиться, если сам свыше сорока лет проработал в этом профессиональном цехе и десятилетиями знаком и дружен со многими. Однако, вследствие таких особых отношений с респондентами, интервью приобретает тот уровень открытости, доверительности, который невозможен между незнакомыми друг другу людьми, но который необходим при познании прошлого.

Более того, пристрастность ориентирует исследователя на всесторонний анализ жизненного пути и творческого наследия людей, долгие годы работавших в науке. Биографу трудно оставаться нейтральным, да и возможна ли в принципе нейтральность, отстраненность от героя биографического анализа, нужно ли к ней стремиться? Идеал научной беспристрастности, по мнению М. Полани, даже в точных науках оказывается ложным, в социологии он просто может стать разрушительным. Полани пишет, «что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности» (Алексеев 2005, т. 4: 221).

Нейтральность биографа не гарантирует объективности исследования, ибо нейтральность, холодность не побуждают к новым поискам. Наоборот, пристрастность может быть базой объективности, заставляя искать правду. Так, небольшая заметка Пушкина, резко критиковавшего Радищева за его «Путешествия из Петербурга в Москву», заканчивается словами: «...нет истины, где нет любви» (Пушкин 1962: 210).

Боязнь быть обвиненным в пристрастности в действительности снижает поисковый потенциал историко-научноисследовательских исследований, сдерживает аналитика от поиска новых тем и перехода на новые уровни постижения прошлого. Так, размышления над материалами недавно вышедших книг воспоминаний о Б. Г. Грушине (Открывая Грушина 2010) и Ю. А. Леваде (Воспоминания и дискуссии 2010; Памяти Ю. А. Левады 2011) показывают, что мы не разрешаем себе признавать наших современников выдающимися учеными, возможно, полагая это нескромным и считая, что только время выявляет значение наследия того или иного исследователя. Мне не кажется это верным, более того, я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных ученых. В нем есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе; есть

признак недооценки способности самого научного сообщества определить своих лидеров.

Рывок в познании истории постхрущёвской советской/российской социологии, сделанный во второй половине 1990-х гг., дал многое. Но накопленный потенциал движения достаточно быстро разрядился. Отчасти это произошло из-за «пассивности» информации, традиционно используемой при анализе социологии как социального института, ее недостаточной «пропитанности» судьбами людей, отдавших свои жизни этой институции.

Л. Г. Ионин (Ионин 1997) ввел понятие «тоталитаризм повседневности», указывающее на существование в советской действительности обстоятельств, затруднявших коммуникацию повседневности с другими смысловыми сферами опыта. Мне бы хотелось указать на существование в наших историко-научоведческих разработках *«тоталитаризма объективности»*, под которым я понимаю существование в этой малоизученной области исследований представлений о возможности понять и объяснить прошлое нашей науки, без наполнения используемой методологии положениями социологии повседневности.

Обращение к теоретическому каркасу анализа повседневности позволяет указать на один серьезный пробел в избранной схеме изучения истории становления советской социологии, прежде всего — в описании жизни социологов. Речь идет о том, что тематика бесед охватывала — и далеко не в исчерпывающей полноте — лишь процесс профессионализации ученых и собственно их профессиональную деятельность. Но ведь повседневный мир человека, тем более творческой личности, принципиально шире, многообразнее, богаче. И конечно, построение более точных, реалистичных портретов людей, создававших социологию и развивавших ее, априорно требовало и иного, более широкого очерчивания собственно профессионального пространства, и выхода за его границы.

Еще несколько лет назад было значительно сложнее, чем сейчас, обозначить рамки пространства историко-биографического исследования, отвечающего требованиям социологии повседневности, ибо отсутствовала информация для обоснованного конструирования необходимой координатной сетки, или аналитического пространства. Ситуация медленно начала меняться, когда увидели свет мемуары ряда советских/российских социологов первого поколения, а также книги воспоминаний о живущих и недавно умерших социологах. Анализ направленного структурно-семантического анализа этих текстов позволит понять, как в первом случае их авторы описывали прожитое и пережитое, а во втором — что редакторы-составители считали необходимым включить в воспоминания о человеке, каким видели его и каким запомнился он его друзьям, коллегам, современникам.

социологов и на социологию как социальный институт может быть обнаружен в рамках следующего триединого поиска:

- рассмотрение примеров проявления социологами новых форм гражданской активности, невозможных до перестройки, их приход «во власть»;
- анализ процесса возникновения независимых социологических исследовательско-аналитических центров и негосударственной системы подготовки социологов;
- изучение изменений в методологии (философии, парадигматике) советской/российской социологии, предметно-объектной направленности исследований и методическом арсенале.

Множество возникающих при этом конкретных поисковых задач образуют разветвленное древо направлений для целенаправленных историко-наукоедческих изысканий. Следующие разделы этой главы можно расценивать как попытку подойти к реализации данной исследовательской программы.

Поход во власть

Во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. многие социологи стали работать в различных властных структурах, где они могли использовать свои профессиональные знания и умения: участвовали в общенациональных и региональных избирательных кампаниях, работали в исполнительных органах власти, становились консультантами и советниками политиков. Значительная группа советских социологов была депутатами горбачёвского Съезда народных депутатов СССР (1989–1991).

Г. В. Старовойтова, исследовавшая межнациональные отношения, была одновременно народным депутатом СССР и РСФСР, а затем — депутатом Российской Государственной Думы. В 1991–1992 годах она консультировала Президента Ельцина по вопросам национальной политики. Профессор социологии Ереванского государственного университета Людмила Арутюнян была членом Верховного Совета Армянской ССР, а потом — депутатом Съезда народных депутатов СССР. Эстонию представляли в этом органе власти социологи Юло Вооглайд, Марью Лауристин и Микк Титма. Ленинградский (петербургский) социолог П. Б. Щелищ избирался депутатом Государственной Думы РФ первого — четвертого созывов (1993–2007), а затем стал членом Общественной палаты Российской Федерации. И это не исчерпывающий перечень социологов, пришедших на волне перестройки во власть, — многие работали в областных, городских и других уровнях выборных организациях.

Было бы интересно узнать, как социологи проводили свои избирательные кампании, как протекала их депутатская деятельность, что

дает практическая политическая деятельность исследователям и, наоборот, в какой мере возможно общественоведам использовать свой научный опыт при работе в законодательных структурах. Скорее всего, со временем на эти и подобные вопросы будут даны ответы.

Приведу фрагменты воспоминаний тех из моих собеседников, кто побеждал на выборах и приобрел определенный опыт политической деятельности.

Т. И. Заславская была выдвинута кандидатом в народные депутаты СССР сразу по трем линиям: от Академии наук СССР, от общественных организаций при Академии наук (как президент Советской социологической ассоциации) и от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) как директор Всесоюзного Центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ). Узнав об этом, она собрала ведущих сотрудников Центра, чтобы посоветоваться, кому давать согласие. Мнение было единодушным — только не ВЦСПС: точно провалят. Наиболее подходящими казались общественные организации при Академии наук. Им она и ответила согласием, а представителям ВЦСПС вежливо сообщила, что уже выдвинута по другой линии. Но председатель ВЦСПС С. А. Шалаев настойчиво просил ее баллотироваться от их организации. Он говорил, что создание ВЦИОМа — важнейшее свидетельство обновления ВЦСПС и что, выдвигая ее в народные депутаты, ВЦСПС демонстрирует свой реформаторский настрой и поддержку перестройки. Заславской, по ее воспоминаниям, ничего не оставалось, как согласиться и отозвать свое согласие на баллотировку от научных общественных организаций. Ученый секретарь Советской социологической ассоциации Э. Н. Фетилов с крайним неудовольствием взялся сообщить об отзыве ее согласия в «штаб» этих организаций. Однако оказалось, что списки кандидатов в народные депутаты уже отправлены в Центризбирком и изменить ничего нельзя. Так ее фамилия оказалась одновременно в двух списках.

Все произошло, как предполагали она и ее коллеги. По линии профсоюзов она получила менее четверти голосов. Ликование сотрудников ВЦСПС было безграничным. А на следующий день ее избрали народным депутатом СССР от научных общественных организаций при Академии наук. И тут, замечала Заславская, профсоюзники буквально взвыли: их блестящий план провалился и кипящая ненависть к ней осталась неутоленной.

А теперь — ответ Заславской на мой просьбу вспомнить, как ей работалось на Первом съезде народных депутатов.

Биографический сюжет № 1. Т. И. Заславская

Избирательная кампания, а затем участие в работе Съезда подорвали мое здоровье сильнее, чем инфаркт 1987 г. У меня не было ни физических, ни духовных сил воевать с «агрессивно-послушным» большинством.

Но и соглашаться с ним я не могла. Под пронзительным взглядом Горбачёва почти всегда голосовала с меньшинством. Вся атмосфера съезда была пропитана агрессией, а уж в свой адрес я чего только не наслушалась. По инициативе члена Политбюро ЦК КПСС первого секретаря Московского горкома Л. Н. Зайкова против меня еще в декабре 1988 г. была развернута мощная клеветническая кампания в прессе, инициатором которой был секретарь Московского союза литераторов А. Салуцкий, человек без всяких признаков совести. Он представил меня читающей публике не только как автора концепции «неперспективных» деревень, но и как главное лицо, ответственное за развал советской деревни. Кто хоть что-нибудь знал обо мне, сразу понимал, что это бред, люди писали массу опровержений, но их не печатала ни одна газета. Поэтому на Съезде я чувствовала себя парией, за моей спиной постоянно слышался шепот: «Смотри-ка, это та Заславская, что деревню разрушила!» Люди устали, измучились от неустроенной жизни, они искали виновных в том, что все оказалось трёпом, ложью, что ничего не удалось сделать по-настоящему хорошего ни для себя, ни для других (**И:** Заславская 2007б: 162–163).

В главе 6 приведены воспоминания А. В. Баранова о его вхождении в социологию. К концу 1990-х гг. он уже был признанным специалистом по проблемам урбанистики, включая вопросы организации жилищного строительства, экологии, здравоохранения. Будучи всегда политически активным, он в 1990 г. включился в первые в стране свободные выборы за право стать депутатом Ленсовета и одержал победу. Рассказ об этом периоде своей жизни он начал словами: «Я был депутатом Ленинградского Городского Совета народных депутатов с апреля 1990 г. по декабрь 1993 г., когда Совет, за три месяца до окончания своих полномочий, был распущен указом Президента Ельцина по просьбе мэра Петербурга А. Собчака» (**И:** Баранов 2008: 15–16).

Приводимые ниже эпизоды об участии Баранова в событиях, происходивших в Ленинграде в дни путча ГКЧП и сразу после его подавления, — это не только часть истории российского социологического сообщества, но и ценный фрагмент истории Ленинграда—Петербурга и России.

Биографический сюжет № 2. А. В. Баранов

19 августа 1991 г., в первый день путча ГКЧП, на сессии Городского Совета я был избран в состав штаба по защите города. На следующий день был назначен председателем редакционной комиссии по подготовке решения Объединенного Собрания Городского и Областного советов депутатов. Текст решения написал и докладывал я. За несколько минут до выхода на трибуну я показал проект решения Собчаку. В решении было три пункта: 1) рекомендация войскам Ленинградского воен-

ного округа не исполнять приказы ГКЧП и оставаться в казармах; 2) благодарность милиции города за поддержание порядка на улицах; 3) предложение Президенту и Верховному Совету России взять всю полноту государственной власти на территории республики в свои руки.

Анатолий Александрович минуты 2–3 думал над третьим пунктом и предложил мне исключить его. Я возразил: «Редакционная комиссия приняла этот текст, и единолично я не могу его изменить». На самом деле, члены комиссии не смогли выработать согласованную резолюцию, а мой текст даже не видели. Я вышел на трибуну и предложил свое «Решение». Сопредседатели (от области — Ю. Ф. Яров и от города — А. Н. Беляев) предложили принять за основу без голосования; текст решения за минуту до моего выступления был роздан примерно членам депутатом обоих Советов, находившимся в зале. Таким образом, идея выхода России из состава СССР впервые на официальном уровне прозвучала 20 августа 1991 г. в Петербурге.

Еще одно мое, отнюдь не тривиальное, предложение было осуществлено 22 августа. По телевизору я увидел, что в Москве на победном митинге участники пронесли огромное полотнище трехцветного флага, бывшего государственным флагом дореволюционной России, а в 1991 г. — знаменем партии «Демократический Союз».

Я подозвал депутата Ленсовета Виталия Скойбеду, члена этой партии, способного на смелые поступки, и предложил ему срочно подготовить полотнище флага для поднятия его в качестве нового государственного флага над Мариинским дворцом, официальной резиденцией нашего Совета. Поручение было принято и выполнено к сроку — в 17 часов. Несколько позже, когда у меня появилась уверенность, что флаг будет готов вовремя, я высказал идею поднятия флага Беляеву, он — Собчаку. Идея обоим понравилась. В 17 часов 22 августа 1991 г. на большом балконе Мариинского дворца собрались дюжина чиновников мэрии и столько же депутатов и Собчак с Беляевым. Собчак по микрофону — на площади было несколько сот человек — отдал команду: «Спустить флаг Российской Федеративной Социалистической Республики!» Прошла минута молчания. И новая команда: «Поднять флаг Российской Федерации!» И Виталий Скойбеда, который был на крыше, поднял триколор под аплодисменты площади. К сожалению, я забыл организовать «Гимн Великому городу» Глиэра, который к тому времени уже стал гимном Петербурга.

Так произошла смена государственного флага в России. В Москве эта церемония состоялась тремя днями позднее (Там же: 16).

В работе того же Ленсовета участвовал и Б. И. Максимов (см. гл. 6), который осознанно шел туда, чтобы изнутри наблюдать деятельность городских властей. Определенный опыт подобного исследования он приобрел, когда в составе сектора социологии общественных движений Института социологии РАН изучал зарождавшиеся независимые демократические движения. Кроме того, был у него и план создания в Совете

«социологической ячейки» (помимо него, еще несколько социологов шли в депутаты), для того чтобы собирать информацию и представлять ее депутатскому корпусу, обеспечивая тем самым «обратную связь» при управления городом.

Вспоминая в ходе интервью свою избирательную кампанию, Максимов назвал ее «юмористической историей». В качестве членов группы поддержки он мобилизовал друзей, соратников по туристическим походам, жену, детей... Публично, с трибуны выступать было практически нигде — даже в то активное время на предвыборные собрания в округе приходил лишь десяток-другой бабушек с небольшими вкраплениями дедушек. Группа кандидатов, иногда большая по численности, чем избирателей, рассказывала последним о своих красивых программах. Главным методом Максимов считал непосредственные контакты с конкретными людьми, и при этом не произнесение перед ними своих лозунгов, а выслушивание их самих. Он сочинил анкетку и разослал с ней членов группы поддержки со строжайшим наказом — не оставлять анкеты нигде. Если бы они попали в избирательную комиссию, у него были бы неприятности: такая процедура не была предусмотрена положением о выборах и за отклонениями строго следили.

Рассказал он и такой эпизод: в один прекрасный день парадные всех домов оказались оклеенными тетрадными листочками в клеточку, где писалось, что Максимов — научный работник, далекий от жизни, «академический человек», профан в городском хозяйстве, пенсионного возраста, хотя он еще не был пенсионером, и т. п. Это его конкурент, директор, мобилизовал учеников соседней школы. В ответ команда Максимова расклеили листочки с кратким содержанием: «Поликовский — директор». Тогда это звучало убийственно.

Конкуренты у Максимова были сильные, но, к своему удивлению, он оказался избранным (**И:** Максимов 2007: 13).

Весьма жестко Максимов, как исследователь, оценил работу избранного Ленсовета. Лидеры демократических движений, войдя во власть, отходили от них и чахла, не имея своей социальной базы. Вскоре Ленсовет оказался как бы замкнутым в стенах Мариинского дворца. Городская жизнь со своими проблемами — а ведь тогда на многие продукты выдавали карточки — протекала где-то «в ином мире», информация с мест, которую Максимов пытался поставлять в Ленсовет, никого не интересовала. Прошедшие в депутаты социологи не горели желанием объединяться в группу, оставалось действовать в качестве наблюдателя и рядового депутата.

Председатель Ленсовета А. А. Собчак считал, что следует «вырабатывать решения за закрытыми дверями», а на сессиях лишь утверждать их. Как социолог, Максимов иногда проникал на заседание какой-нибудь комиссии, садился в уголок, за пальмы, и, если его не обнаружи-

вали и не изгоняли как «постороннего», наблюдал «сходку заговорщиков». Там договаривались о том, как скомпрометировать неугодный проект решения, «заплодировать» такого-то, «свалить» этого и т. п. Одной из серьезных проблем стала демократическая процедура, которую непривычные депутаты осваивали полгода, если не больше, и о которую спотыкались потом чуть ли не каждый день. Иногда первая половина заседания уходила на утрясание повестки дня; после этого объявлялся перерыв на обед и только во второй половине принимались за сами дела. Не единожды Совет впадал в патовую ситуацию, когда не мог даже закрыть заседание.

Завершая свой рассказ о депутатстве, Максимов кратко оценивает стиль работы демократического Ленсовета и описывает момент, когда депутаты узнали о прекращении их деятельности.

Биографический сюжет № 3. Б. И. Максимов

Ленсовет немало поливали; особенно в свое время усердствовал неизвестный А. Невзоров, изобразивший в одной из передач «600 секунд» депутатов в виде скопища отвратительных крыс. Одна моя близкая знакомая, наслушавшись речей о дармоедах-болтунах депутатах, эмоционально однажды воскликнула: «Прямо взорвала бы их всех!» — «И меня?» — спросил я. Знакомая замаялась, но не сказала, что погорячилась. СМИ тогда постарались скомпрометировать вообще представительную власть. При всем моем трезвом отношении к горсовету, я не хотел бы выглядеть его очернителем. В свое время он сделал очень многое. Основная масса депутатов была людьми действительно демократических убеждений, настроенными на бескорыстное служение городу и демократии, прошу прощения за высокопарность. Недаром разгон Ленсовета был для ельцинского режима просто необходимым.

Полон трагикомизма последний день работы Ленсовета. Работа шла чрезвычайно слаженно, за один день приняли столько и таких решений, сколько и каких не осваивали и за месяцы предыдущих заседаний. Председатель поздравил депутатов с весьма плодотворной деятельностью. Все заплодировали, встали, хотели закончить заседание исполнением введенного уже гимна города (на музыку Глиэра). Но тут поступила информация, что Совет по указу Ельцина и с подачи Собчака еще накануне распущен... (Там же: 14).

Записи «наблюдающего участия» сохранились у Максимова, материал, по его мнению, огромный. Остается лишь надеяться на то, что этот архив не пропадет, подобно многому, что важно для написания истории российской социологии.

На протяжении ряда лет имела возможность наблюдать за деятельностью представителей властной элиты Петербурга и России Т. З. Протасенко (напомню, что она формировалась как социолог под влиянием